

Б. Мейлах

**ПУШКИН
И ЕГО ЭПОХА**

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1958**

**ПОСЛЕ
ДЕКАБРЬСКОГО
ВОССТАНИЯ**

Глава первая

ПУШКИН В ХОДЕ СЛЕДСТВИЯ И СУДА НАД ДЕКАБРИСТАМИ

Советское пушкиноведение много сделало для изучения проблемы «Пушкин и декабристы». Работами советских ученых показана органическая идейная связь Пушкина с декабристским движением, раскрыты его взаимоотношения с отдельными декабристами, охарактеризовано значение пушкинской политической лирики в агитационно-пропагандистской деятельности тайных обществ¹.

Материалы о личных взаимоотношениях Пушкина с декабристами позволяют заключить, что Пушкин на протяжении всей истории тайных обществ находился в связи с выдающимися деятелями движения, что сначала он догадывался, а затем был осведомлен о существовании тайного общества. С несомненностью установлено также, что он бывал на «сходках» декабристов и, не являясь членом тайного общества, оказался фактически связанным с его деятельностью как в Петербурге, так и на Юге.

Советское пушкиноведение во многом прояснило и вопрос о том, почему Пушкин не был членом тайного общества. Все дошедшие до нас свидетельства современников, а также факты, говорящие о настроениях Пушкина, подтверждают, что он желал стать членом тайного общества. Вопрос о его приеме возникал и в среде декабристов. Основная причина, заставлявшая их воздержаться от положительного решения этого вопроса,

заклучалась в нежелании подвергать опасности жизнь гениального поэта. Об этом свидетельствуют и вновь опубликованные данные — сообщение сына декабриста С. Г. Волконского М. С. Волконского, который писал Л. Н. Майкову:

«Пушкин, гений которого освещал в Сибири мое детство и юность, был мне близок по отношению его к отцу и к Раевскому, так что я всю жизнь считал его близким себе человеком. Не знаю, говорил ли я вам, что моему отцу было поручено принять его в общество и что отец этого не исполнил. «Как мне решиться было на это, — говорил он мне не раз, — когда ему могла угрожать плаха»².

Ряд важных вопросов, связанных с темой «Пушкин и декабристы», требует дальнейшего изучения. Среди них специального рассмотрения заслуживает вопрос — Пушкин в ходе следствия над декабристами. Эта проблема как таковая до сих пор не служила предметом исследования. Правда, различного рода выписки из следственных дел широко привлекались литературоведами, но они не ставили перед собой задачу выяснить, с какой закономерностью имя Пушкина возникало во время следствия, была ли у декабристов определенная линия поведения по отношению к Пушкину в ходе выяснения его роли в деятельности тайных обществ. Мы поставили перед собой задачу изучить с этой точки зрения следственные дела декабристов.

После того как произошло восстание декабристов, слухи о том, что Пушкин был одним из виднейших деятелей тайного общества, получили широчайшее распространение. Об этом говорят многие письма и свидетельства. Так, например, рядовой дворянин П. А. Болотов в одном из писем из Кром, Орловской губернии, адресованных отцу, писал:

«В числе сих возмутителей видим имена известного Рылеева, Бестужевых, Кюхельбекеров как модных журнальных стихотворцев, которые все дышали безбожною философиею согласно с модным их оракулом Пушкиным, которого стихотворения столь многие твердят наизусть и, так сказать, почти бредят ими». Пушкин здесь, следовагельно, «оракул декабристов»³.

Сведения о том, что Пушкин замешан в дело декабристов, просочились даже за границу. Чешский писатель Челяковский в феврале 1826 года писал из Праги своему корреспонденту:

«Из России приходят печальные вести. В этом проклятом заговоре замешаны также знаменитые писатели Пушкин и Муравьев-Апостол. Первый — лучший стихотворец, второй — лучший прозаик. Без сомнения, оба поплатятся головой»⁴.

Декабриста М. И. Муравьева-Апостола, одного из вождей восстания, Челяковский здесь спутал с писателем М. Н. Муравьевым, но представление о том, что Пушкин замешан в заговоре, весьма показательно. Само имя Пушкина возникало в этой связи не случайно. Когда был опубликован список привлеченных к следствию, агент тайной полиции И. Локателли доносил фон Фоку:

«Все чрезвычайно удивлены, что знаменитый Пушкин, который всегда был известен своим образом мыслей, не привлечен к делу заговорщиков»⁵.

Слухи о том, что происходит в следственном комитете, что там то и дело всплывает имя Пушкина, должны были широко распространиться в Петербурге, а затем и в других местах. Ведь в комитете были лица, тесно связанные с такими близкими к Пушкину людьми, как Жуковский, А. Тургенев и др. В частности, полный доступ к следственным делам имел бывший арзамасец Блудов. Управляющим делами комитета был А. Д. Боровков (один из руководителей Вольного общества любителей российской словесности). В следственном комитете работал чиновником также А. А. Ивановский, связанный в прошлом с литературными кругами и оказавший помощь многим декабристам в процессе следствия.

В результате, вскоре же после начала следствия, стало известно, что стихи Пушкина имеются во многих следственных делах, что ранее они распространялись декабристами в качестве своеобразных воззваний, листовок. Так, когда при допросе члена Общества соединенных славян прапорщика Саратовского пехотного полка И. Ф. Шимкова комитет потребовал объяснения, откуда Шимков достал найденные у него «дерзостные произведения», Шимков ответил: «Стихи найдены мною в местечке Белой Церкви 1824 года, в августе месяце...

На первом и втором номере было написано П. ш. н, сие я почел за Пушкин»⁶.

Как известно, имя Пушкина часто упоминалось в ходе следствия. Декабристы в своих показаниях неоднократно говорили о значении стихов Пушкина для революционной пропаганды.

Необходимо, однако, поставить вопрос: почему декабристы называли на следствии имя Пушкина и признавали его роль в агитации за свободу? Ведь эти признания делались следственному комитету, тюремщикам декабристов! Значит ли это, как уверял М. Н. Покровский и другие историки его школы, что декабристы раскаялись, растерялись, проявили малодушие и что в силу этого они не остановились и перед тем, чтобы привлечь Пушкина к процессу?

Для того чтобы ответить на эти вопросы, надо прежде всего выяснить некоторые особенности следствия над декабристами.

14 декабря 1825 года, в то время, когда с камней Сенатской площади еще соскребывали кровь, а тела не только мертвых, но и раненых солдат спускали под лед Невы, Зимний дворец превратился в нечто подобное полицейскому участку. Следствие фактически началось в тот же день, причем Николай I, который был главным организатором следствия и главным сыщиком, применял очень сложную, чисто инквизиторскую систему допросов. Он не останавливался ни перед какими средствами, чтобы вырвать признание у арестованных.

Иногда Николай I прикидывался другом народа, реформатором, который готов мирным путем выполнить программу декабристов. При этом он оказался таким актером, что даже столь убежденный декабрист, как П. Каховский, с жаром говорил ему о бедствиях народа и, услышав слова о его намерении быть «отцом отечества», поддался обману. Каховский писал царю из крепости: «Добрый государь, я видел слезы сострадания на глазах ваших». Иногда Николай действовал даже «лаской». Так, декабристу Гангеблову он «отечески» говорил: «Что вы, батюшка, наделали». На иных он пытался воздействовать «заботой» о семьях и т. д. Только утонченным лицемерием царя можно объяснить то, что декабристы, находясь в крепости, писали ему письма и

советовали, каким образом можно и нужно реформировать Россию⁷.

Таков один из приемов обращения царя с декабристами во время следствия. По отношению же к другой группе декабристов Николай применял угрозы сгноить в крепости, заковать в кандалы, посадить на хлеб и воду, разнообразные приемы деморализации, подавления воли и т. д. И были люди, которые либо поверили в царя, либо не выдержали пыток и смалодушничили.

Однако изучение следственных дел говорит о том, что, несмотря на сложную систему допросов, декабристы в своем большинстве придерживались единой линии по отношению к Пушкину, стремились всеми силами выгородить поэта, скрыть его несомненные связи с отдельными членами тайных обществ, скрыть, что пути распространения стихов Пушкина в конечном счете вели к самому автору.

Возникал ли в процессе следствия вопрос о том, был ли Пушкин членом тайного общества? Изучение следственных дел показывает, что такой вопрос возникал неоднократно.

Одному из первых он был задан ближайшему другу Пушкина — И. И. Пущину. Николай I, лично допрашивая Пущина 17 декабря, спросил его, посылал ли он своему родственнику Пушкину письмо о готовящемся восстании. На это Пущин ответил, что он «не родственник нашего великого национального поэта Пушкина, а товарищ его по Царскосельскому лицей; что общеизвестно, что Пушкин, автор «Руслана и Людмилы», был всегда противником тайных обществ и заговоров». Итак, Пущин, подчеркивая, что Пушкин — великий национальный поэт, вместе с тем стремился внушить мысль о его полной непричастности к деятельности тайных обществ⁸.

Вопрос о том, был ли Пушкин членом тайного общества возник и при допросе члена «Союза благоденствия» Горсткина. Горсткина спросили: «Когда и у кого бывали вы на совещаниях общества? В чем заключались эти совещания? Кто разделял их и кто вообще были известные вам члены?»

Рассказывая об этих совещаниях, Горсткин показал, что был два-три раза у Ильи Долгорукова и что у него

же «Пушкин читывал свои стихи, все восхищались остротой»⁹.

Как уже отмечалось М. В. Нечкиной при опубликовании этого документа, признание Горсткина подтверждает, что в десятой главе «Евгения Онегина» Пушкин исторически достоверно, на основании собственных впечатлений писал о декабристской сходке:

Витийством резким знамениты,
Сбирались члены сей семьи
У беспокойного Никиты,
У осторожного Ильи.
Друг Марса, Вакха и Венеры,
Им резко Лунии предлагал
Свои решительные меры
И вдохновенно бормотал.
Читал свои Нозли Пушкин,
Меланхолический Якушкин,
Казалось, молча обнажал
Цареубийственный кинжал...*

Итак, из показаний Горсткина (человека малолетнего) следственному комитету стало известно: Пушкин бывал на совещаниях декабристов. Показания даны 28 января. А несколько месяцев спустя следственный комитет задал иезуитский вопрос М. И. Муравьеву-Апостолу: пародировал ли Пушкин «Боже, спаси царя» на собрании членов общества в Петербурге. На это Муравьев-Апостол ответил: «При сем совещании не было Пушкина, который никогда не принадлежал обществу». Так окольным путем комитет пытался получить подтверждение показанию о том, что Пушкин бывал на совещаниях общества¹⁰.

Наконец, привлеченный к следствию капитан 5-й конноартиллерийской роты М. И. Пыхачев заявил, что М. П. Бестужев-Рюмин «раздавал членам» стихи Пушкина и что он, Пыхачев, полагает Пушкина членом общества¹¹.

Таким образом, из привлеченных к следствию только двое называли Пушкина (Горсткин косвенно, Пыхачев прямо) членом тайного общества.

В то же время в следственных делах имеется значительное число упоминаний о революционизирующей роли политической поэзии Пушкина и об использовании ее в ходе декабристской пропаганды. Однако следует отме-

* Подчеркнуто мной. Б. М.

тить, что упоминания о Пушкине, не вынужденные ходом следствия, насчитываются в показаниях декабристов единицами. Большею частью эти упоминания сформулированы таким образом, чтобы представить Пушкина как можно менее причастным к декабристскому движению. Изучение материалов следствия приводит к выводу, что только Пыхачев назвал имя Пушкина по своей инициативе. Но Пыхачев явился случайным элементом среди декабристов и никакого участия в движении не принимал. Недаром он находился в крепости всего два месяца, затем был перечислен в другую роту, а впоследствии получил повышение в чине.

И все же остается вопрос: почему имя Пушкина все-таки то и дело всплывало на следствии, было ли это инициативой самих декабристов, или результатом иных причин? Для ответа на этот вопрос следует обратиться опять-таки к системе следственного делопроизводства.

В начале следствия всем допрашиваемым задавалось семь вопросов. Седьмой из этих вопросов гласил:

«С какого времени и откуда заимствовали вы свободный образ мыслей: от сообщества или внушений других, или от чтения книг, или от сочинений в рукописях и каких именно? Кто способствовал укоренению в вас сих мыслей?»

Этот чрезвычайно опасный для судьбы Пушкина вопрос, который задавался всем декабристам, преследовал, конечно, чисто сыскные задачи: ответы на этот вопрос должны были, согласно замыслу комитета, обнаружить как можно больше участников движения и «прикосновенных» к нему.

Были декабристы, которые прямо уклонялись от ответа на седьмой вопрос. Так, Лунин сказал: «Свободный образ мыслей образовался во мне с тех пор, как я начал мыслить». Однако в некоторых случаях положение отвечающих было более сложным. У ряда декабристов были найдены стихи Пушкина, и они вынуждены были этот факт объяснить¹².

И все же друзья и ближайšie знакомые Пушкина, которым он читал и передавал свои стихи и с которыми был лично связан, проявили исключительную стойкость и не только не называли его имени как автора «крамольных» политических стихотворений, но не назвали его даже в числе своих знакомых.

Одним из первых был допрошен на следствии Рылеев. В ответ на седьмой вопрос Рылеев заявил, что источником его свободомыслия являются заграничные походы и заграничная публицистика, причем закончил так: «Поистине себя одного должен обвинять во всем»¹³.

Своим ответом Рылеев фактически отрицал влияние на формирование своих взглядов русской литературы и влияние Пушкина (хотя, как уже говорилось, всего за месяц до восстания Рылеев писал Пушкину: «На тебя устремлены глаза России; тебя любят, тебе верят, тебе подражают»). И в дальнейшем Рылеев ни разу не упомянул имени Пушкина в ходе следствия¹⁴.

Александр Бестужев, отвечая на седьмой вопрос, показал, что свободомыслие он заимствовал из книг, но упомянул лишь иностранных писателей (в частности, Герена и Бентама). Бестужев прибег к такому ходу: «Что же касается до рукописных русских сочинений, они слишком маловажны и ничтожны для произведения какого-либо впечатления. Мне же не случилось читать из них ничего, кроме «О необходимости законов» (покойного Фонвизина), двух писем Михаила Орлова к Бутурлину и некоторых блесок А. Пушкина стихами...» Это говорит Бестужев, который не только в письмах к Пушкину, но в обзорах «Полярной звезды» с патриотической гордостью говорил о русской литературе, о Пушкине, о влиянии его стихов¹⁵.

Такого рода ответы на седьмой вопрос следственной анкеты свидетельствуют о тонкой тактике выгораживания декабристами Пушкина и других вольнолюбивых поэтов. Называя в качестве главного источника вольнолюбия только зарубежную литературу, декабристы тем самым освобождали себя от необходимости называть имена русских современников.

С занимающей нас точки зрения большой интерес представляет дело Кюхельбекера. Когда Кюхельбекер был арестован при попытке перейти границу, одним из первых вопросов был вопрос о его знакомствах. С кого же он начинает перечень своих знакомых? С Греча и Булгарина! Затем идут такие благонамереннейшие люди, как Жуковский, Карамзин, слепой поэт Козлов... Пушкина Кюхельбекер так и не назвал¹⁶.

В дальнейшем, отвечая на вопрос о причинах свободомыслия, о влиянии рукописных сочинений, о своих

знакомых, Кюхельбекер уклончиво заявил, что был «увлечен общим потоком», что никто его не увлекал¹⁷.

И. И. Пущин, в своих позднейших мемуарах восторженно писавший об огромном влиянии пушкинских политических стихов, отвечая на седьмой вопрос, сказал, что он стал человеком вольнолюбивым по естественному ходу духа времени. «Никто, — писал он, — не способствовал к укоренению сих мыслей во мне»¹⁸. Имя Пушкина в ходе следствия по делу Пущина ни разу не возникало.

Весьма показателен ответ П. Я. Чаадаева. Чаадаева задержали в августе 1826 года при возвращении из-за границы. И вот этот ближайший друг Пушкина, которому адресовано знаменитое послание «Люби, надежды, тихой славы...» при допросе по поводу найденных у него стихов Пушкина заявил, что получил их от кого-то в Швейцарии, «не обращал никакого внимания на их содержание, сохранил их единственно у себя за достоинство их в литературном смысле»¹⁹.

Однако порой при ответе на седьмой вопрос анкеты давались иногда косвенные, а иногда и прямые указания на революционизирующее влияние пушкинской поэзии.

Очень остроумно ответил на седьмой вопрос Петр Бестужев, двадцатитрехлетний мичман, самый молодой из замечательной семьи Бестужевых. Он показал: «Мысли свободные зародились во мне уже по выходе из корпуса, около 1822 года, от чтения различных рукописей, каковы: «Ода на свободу», «Деревня», «Мой Аполлон», разные «Послания» и проч., за которые пострадал знаменитый (в других родах) поэт наш А. Пушкин»²⁰.

Здесь характерны два момента: названы стихотворения, за которые Пушкин уже «пострадал» (то есть был отправлен в 1820 году в ссылку). Далее отмечается, что Пушкин-поэт «знаменитый в других родах», то есть подразумевается, что прошлые «грехи» поэта не определяют его облика. Следовательно, здесь мы сталкиваемся с таким упоминанием Пушкина, которое само по себе не носит криминального характера.

Барон В. И. Штейнгель признался: «...разные сочинения (кому не известные?) Баркова, Нелединского-Мелецкого, Ясвижского (?), кн. Горчакова, Грибоедова, Пушкина. Сии последние вообще читал из любопытства и решительно могу сказать, что они не произвели надо

мною иного действия, кроме минутной забавы: подобные мелочи игривого ума мне не по сердцу». И здесь налицо намеренное снижение значения пушкинских стихов пред лицом следственного комитета: «мелочи игривого ума». Но позже Штейнгель, обманутый Николаем I и деморализованный следствием, писал царю из Петропавловской крепости: «...высшее заведение для образования юношества, Царскосельский лицей дал несколько выпусков. Оказались таланты в словесности; но свободомыслие, внушенное в высочайшей степени, поставило их в совершенную противоположность со всем тем, что они должны были встретить в отечестве, при вступлении в свет... Непостижимо, каким образом... пропускались статьи, подобные «Волынскому», «Исповеди Наливайки», «Разбойникам братьям» и пр. ... Кто из молодых людей, несколько образованных, не читал и не увлекался сочинениями Пушкина, дышащими свободой»²¹.

В делах имеются сведения, что декабристы сжигали стихи Пушкина накануне ареста. Так, сжигали пушкинские стихи Лорер и Гориславский. Тем самым уничтожались и улики, которые могли вовлечь в следствие и самого Пушкина.

Характерная деталь: декабрист Н. И. Лорер в своих показаниях следственному комитету упорно отрицал показания А. И. Майбороды о том, что он перед арестом сжег сочинения Пушкина. Лорер делал вид, что не знает, будто «стихи Пушкина сомнительны», указывая на их распространенность: «...насчет же сочинений Пушкина я чистосердечно признаюсь — я их не жег, ибо я не полагал, что они сомнительны; знал, что почти у каждого находятся, — и кто их не читал?» Были, как уже говорилось, и прямые указания на влияние стихов Пушкина в начале следствия. Мичман В. А. Дивов показал: «Свободный образ мыслей получил... часть от сочинений рукописных; оные были свободные стихотворения Пушкина и Рылеева и прочих неизвестных мне сочинителей». В таком же духе и показания прапорщика Бечаснова: «Зная, что я охотно занимаюсь книгами и поэзией, советовали <офицеры> бросить романы как не заслуживающие потери времени, предлагая читать хороших писателей — трагедии — стихи соч. Пушкина и других, постепенно разгорячавших пылкое воображение»²².

Штаб-ротмистр М. Н. Паскевич писал в своем ответе: «Первые либеральные мысли заимствовал я прошлого 1825 года частью от попавшихся мне книг и от встречи с людьми такого мнения, а более от чтения вольных стихов господина Пушкина; я, признаюсь, был увлечен его вольнодумством и его дерзкими мыслями, но, не находя в самом себе подобных чувств, я по малодушию моему и без всякого ж к тому таланта хотел было подражать ему и перевел вышенаписанные стихи»²³.

Но наибольшая опасность для Пушкина возникла при проведении следствия по делу Михаила Бестужева-Рюмина, одного из самых выдающихся деятелей движения.

При допросе Бестужева-Рюмина Николай I применил особо жесткие меры. Об этом свидетельствует отчаянное письмо Бестужева-Рюмина, который писал Николаю I: «Единственная милость, о которой я хотел бы Вас просить, не принуждать меня назвать имена лиц — и взамен этого я имел намерение умолять Ваше Величество сделать меня ответчиком за все то, что могли замысливать члены общества, в котором я состоял». И дальше: «Прошу у Вас о том, чтобы Вы не наводили на меня страх»²⁴.

И вот оказалось, что самое острое положение для Пушкина возникло при допросе Бестужева-Рюмина. В январе, отвечая на седьмой вопрос следственного комитета, Бестужев-Рюмин показал, что «первые либеральные мысли почерпнул в трагедиях Вольтера». Далее упоминаются занятия естественным правом, политической экономией и т. д. А затем следует такая фраза: «Между тем везде слышал стихи Пушкина, с восторгом читанные. Это все более и более укореняло во мне либеральные мнения»²⁵.

Но сама по себе эта фраза о Пушкине в таком контексте поэту ничем не грозила. Опасность возникла из-за другого. Упомянутый выше Пыхачев, называвший Пушкина членом тайного общества, заявил, что Михаил Бестужев-Рюмин «раздавал всем членам» стихи Пушкина. Другой из привлеченных к следствию, некий Петр Громницкий, поручик Пензенского пехотного полка, сказал, что Бестужев-Рюмин, агитируя за цареубийство, читал стихи Пушкина «Кинжал». «Предложенные мне теперь высочайше утвержденным комитетом вопросы привели мне на память обстоятельство, о котором умолчать не

желаю, — показал Громницкий. — В лагере же при Лещине Бестужев, случившись у М. М. Спиридова (члена Общества соединенных славян. — *Б. М.*), где и я был с А. И. Тютчевым, в разговорах своих выхвалял сочинения Александра Пушкина и прочитал наизусть одно, приписывая оное ему, хотя менее дерзкое, чем стихи М. Н. Паскевича, но не менее вольнодумное. Вот оно...» (Далее следует стихотворение Пушкина «Кинжал», позже тщательно зачеркнутое.) «...Произнесши стихи сии, Бестужев спросил: «Не желаете ли кто иметь их?» И, немедленно переписав, вручил их Спиридову, у которого я после брал, с тем чтоб переписать, но, носивши при себе несколько дней, я потерял оные и теперь написал только то, что мог вспомнить. Но Бестужев должен знать их, ибо он очень твердо перечитывал их наизусть»²⁶.

Показание Громницкого о том, что Бестужев-Рюмин пользовался стихами Пушкина для агитации за царевубийство, было поддержано в общей сложности на следствии шестью человеками (Пыхачевым, Громницким, Тютчевым, Лисовским, Спиридовым и Ивановым, у которого эти стихи были найдены). Таким образом, выяснилось, что Бестужев-Рюмин самым активным образом распространял пушкинские стихи: читал их в разных местах, сам переписывал, давал переписывать другим и т. д.

В связи с этим следственный комитет в апреле 1826 года заставил Бестужева-Рюмина ответить на следующие три вопроса.

Первый: когда и где он получил стихотворение Пушкина «Кинжал»?

Второй: кому из членов, кроме упомянутых, он давал это и другие подобные стихотворения и от самого ли Пушкина его получил?

И третий: был ли Пушкин членом тайного общества и в каких отношениях он находился с самим Бестужевым-Рюминым и с Сергеем Муравьевым-Апостолом?²⁷

Можно без преувеличения сказать, что эти вопросы были решающими для судьбы Пушкина.

Что ответил на них Бестужев-Рюмин? Он не мог не признаться в распространении стихов Пушкина, поскольку шесть человек засвидетельствовали этот факт и самые стихи оказались в деле. Но источника получения стихов он не назвал, отделившись общей фразой: «Большую часть вольнодумческих сочинений Пушкина,

Вяземского и Дениса Давыдова нашел у него (то есть у Пыхачева. — Б. М.)». И здесь далее следовали известные строки: «Рукописных экземпляров вольнодумческих сочинений Пушкина и прочих столько по полкам, что это нас самих удивляло»²⁸.

Когда последние строки цитировались литературоведами и историками изолированно от прочих следственных материалов, получилось, что Бестужев-Рюмин своим признанием намеренно «набросил тень» на Пушкина. Однако, как мы видим, это заявление, если учесть весь ход следствия, нисколько не компрометирует Бестужева-Рюмина. В отношении Пушкина он держался стойко и отказался назвать источник получения «Кинжала» и других стихов.

Что касается вопроса о членстве Пушкина в тайном обществе, то Бестужев-Рюмин заявил: «Мне совершенно неизвестно». А по поводу личного знакомства он ответил, что встречался с Пушкиным в 1819 году, когда был ребенком (ребенком он не был, ему было в 1819 году 18 лет; кроме того, есть основание полагать, что с Пушкиным он встречался и на юге России)²⁹.

Следственный комитет не поверил этим ответам Бестужева-Рюмина, устроил ему очную ставку с Пыхачевым (который заявил, что Пушкин — член тайного общества и что Бестужев-Рюмин раздавал стихи Пушкина членам тайного общества). Очная ставка состоялась 26 апреля в присутствии комитета. Однако Бестужев-Рюмин «остался при своем показании». Никаких новых данных он не открыл и от кого получил стихотворение «Кинжал» не указал³⁰.

Насколько серьезным для Пушкина был этот эпизод в ходе следствия, косвенно свидетельствует тот факт, что в обвинительном заключении по делу Бестужева-Рюмина в числе пунктов, мотивирующих приговор — смертную казнь, значится: «Читал наизусть и раздавал приглашаемым в общество (возмутительные вольнодумческие) сочинения Пушкина и других»³¹.

Вторым, чреватым большими опасностями для Пушкина, было дело другого виднейшего деятеля декабризма — Матвея Муравьева-Апостола. Его допрашивали о путях распространения пушкинских стихов, пытались выяснить, бывал ли Пушкин на совещаниях тайного общества и состоял ли он его членом. Однако и

Муравьев-Апостол нужных следственному комитету данных не сообщил. По поводу того, что Пушкин на одном из совещаний декабристов взялся писать «вольномысленную песню» Муравьев-Апостол, как уже упоминалось, показал: «При сем совещании не было Пушкина, который никогда не принадлежал к обществу».

Интересная деталь: отвечая на этот вопрос, Муравьев-Апостол написал сначала: «Сейчас не принадлежал к обществу», затем слово «сейчас» он зачеркнул и написал вместо него «никогда»³².

Итак, из обзора следственных дел, имеющих касательство к Пушкину, можно заключить, что следственному комитету не удалось добиться данных, устанавливающих прямые связи Пушкина с декабристскими организациями. Не удалось также установить, по каким каналам «Кинжал» и другие стихи проникали от их автора, Пушкина, в среду декабристов. Все главные деятели декабристского движения, лично знавшие Пушкина, встречавшиеся с ним, в том числе и декабристы — близкие друзья поэта, держались исключительно стойко и всячески старались вывести Пушкина из сферы внимания следственного комитета. Подавляющее большинство упоминаний о Пушкине в ходе следствия было вынужденным или обстоятельствами следствия, или показаниями третьестепенных членов тайного общества, или даже случайно вовлеченных в следствие лиц (как Пыхачев). Только благодаря сознательной тактике декабристов, непосредственно связанных с Пушкиным и стремившихся уберечь поэта от опасности, важнейшие факты, касающиеся его политической биографии, оказались утаенными от Николая I и его помощников.

Последний раз имя Пушкина косвенным образом всплыло в следственном комитете в мае 1826 года, когда приводилось в исполнение повеление Николая I «из дел вынуть и сжечь все возмутительные стихи». Они были сожжены. Осталась только запись стихотворения «Кинжал»: на обороте листа были следственные показания. Этот текст был густо зачеркнут «с высочайшего соизволения», как указано в деле военным министром Татишевым.

Каково же было состояние Пушкина в период следствия, что знал он о следствии, какой тактики он придерживался?

Д. Д. Благой в книге «Творческий путь Пушкина» справедливо отмечает, что Пушкин в это трудное для него время проявил стойкость и мужество. Письма поэта свидетельствуют о том, что его прежде всего беспокоила судьба «братьев», «товарищей» (как он называл декабристов)³³.

Не может быть двух мнений по вопросу, знал ли Пушкин о заговоре. 20 января 1826 года, уже будучи осведомленным о ходе следствия по официальным документам, опубликованным в печати, и по сведениям, которые просачивались в Михайловское, Пушкин писал Жуковскому:

«Вероятно, правительство удостоверилось, что я заговору не принадлежу и с возмутителями 14 декабря связей политических не имел, но оно в журналах объявило опалу и тем, которые, имея какие-нибудь сведения о заговоре, не объявляли о том полиции. Но кто же, кроме полиции и правительства, не знал о нем? о заговоре кричали по всем переулкам, и это одна из причин моей безвинности. Все-таки я от жандарма еще не ушел, легко, может, уличат меня в политических разговорах с каким-нибудь из обвиненных. А между ими друзей моих довольно».

Таким образом, сам Пушкин опасался того, что на следствии его могли уличить в «политических разговорах» с обвиненными. В таких случаях от жандарма действительно уйти не удавалось. Как показывает ход следствия, установление факта разговоров о свержении правительства или о цареубийстве приводило к осуждению обвиняемых на каторгу или в ссылку в Сибирь.

Итак, Пушкин, по его собственному признанию, о заговоре знал. Далее он писал о том, что с нетерпением ждет решения судьбы своих друзей.

Следует учитывать, что письма, которые он посылал почтой, носили иной характер, чем пересылаемые оказией. Приведенное выше письмо к Жуковскому было послано с оказией; в письмах же, которые проходили цензуру, Пушкин намеренно подчеркивал, что молодой царь, может быть, смилостивится, что судьба заключенных, вероятно, будет смягчена и т. д.

Но как же Пушкин представлял свое собственное положение, что думал он о своей судьбе? Как мы видели, он считал вполне возможным привлечение его к следствию. Об этом говорит и его признание в другом письме Жуковскому о том, что он был в связи с «большой частью заговорщиков». Пушкин явно готовился к возможному аресту. Показательно, например, что, получив сведения о восстании, он сжег большую часть автобиографических записок.

Большинство друзей и знакомых Пушкина сразу же после восстания перестали ему писать. Во второй половине января он жаловался Плетневу: «Что делается у вас в Петербурге? я ничего не знаю, все перестали ко мне писать. Верно вы полагаете меня в Нерчинске. Напрасно, я туда не намерен — но неизвестность о людях, с которыми находился в короткой связи, меня мучит». В этом же письме Пушкин просит узнать у Жуковского, может ли он надеяться на возвращение из ссылки, на «высочайшее снисхождение». Об этом Пушкин пишет также Жуковскому, но дает понять, что заступничество за него перед государем небезопасно: «Не хочу охмелить тебя в этом пиру». И здесь же, обращаясь к Жуковскому и другим друзьям, заявляет: «...Вам решительно говорю не отвечать и не ручаться за меня. Мое будущее поведение зависит от обстоятельств, от обхождения со мною правительства etc.».

Думая о возможности улучшения своей участи и возвращения из ссылки, Пушкин надеялся в то же время на смягчение «участи несчастных» (то есть декабристов) и сохранял политическую независимость. Ни о каком раскаянии, то есть отказе от своего образа мыслей, он и не думал заявлять.

27 февраля в Михайловское приходит письмо Плетнева, очень обнадеживающее в отношении судьбы Пушкина. Плетнев передает ему следующую просьбу Жуковского: «...Его к тебе комиссия состоит в том, чтобы ты написал к нему письмо серьезное, в котором бы сказал, что, оставляя при себе образ мыслей твоих, на кои никто не имеет никакого права, не думаешь играть словами никогда, которые бы противоречили какому-нибудь всеми принятому порядку». Это письмо должно было быть показано государю. Передавая намерения Жуковского, Плет-

нев здесь же писал о нем: «После этого письма он скоро надеется с тобою свидеться в его квартире»³⁴.

Следует подчеркнуть, что не сам Пушкин выработал формулу «примирения» с Николаем I. Ее подсказал ему Плетнев по указанию Жуковского.

Из ответного письма Пушкина Плетневу видно, что Пушкин не считает свою судьбу решенной в смысле привлечения к следствию. 3 марта Пушкин вновь задает Плетневу вопрос: «Невинен я или нет?»

7 марта Пушкин пишет официальное письмо Жуковскому, где следует предложенной Плетневым формуле, но варьирует ее таким образом, что независимость взглядов его подчеркивается со всей резкостью: «Каков бы ни был мой образ мыслей, политический и религиозный, я храню его про самого себя и не намерен безумно противоречить общепринятому порядку и необходимости».

Разница между формулой Плетнева — Жуковского и формулой Пушкина весьма существенная! К тому же Пушкин в письме Жуковскому, предназначенном для демонстрации Николаю I, ни от чего не отрекается и ни в чем не раскаивается, признавая достойным порицания (и то в качестве «легкомысленного суждения») лишь перехваченное в свое время письмо атеистического характера.

Письмо к Жуковскому от 7 марта было послано при письме Плетневу. Желая обратить внимание Плетнева на вынужденный характер своего официального письма, Пушкин иронически сообщает, что оно «в треугольной шляпе и в башмаках». И здесь же Пушкин с горечью замечает о своем будущем: «Не радуйся нашед, не плачь потеряв!»

Итак, требуемое официальное письмо было послано и Жуковским получено. После этого наступило длительное молчание. Что было в это время с письмом Пушкина неизвестно. Но вот 12 апреля приходит паническое письмо от Жуковского, которое содержит резкое осуждение политической поэзии Пушкина и ее влияния: «Наши отроки (то есть все зреющее поколение) при плохом воспитании, которое не дает им никакой подпоры для жизни, познакомились с твоими буйными, одетыми прелестию поэзии мыслями; ты уже многим нанес вред неисцелимый. Это должно заставить тебя трепетать».

Тот самый Жуковский, который месяц тому назад обещал хлопотать о возвращении Пушкина из ссылки с уверенностью в успехе, теперь советует ему «не напоминать о себе»³⁵.

Чем же вызвана эта перемена настроения, эта паника? Мы находим объяснение ее только в следующем. Через Блудова и других лиц, имевших доступ к делам следственного комитета, Жуковскому стало известно, что в ходе следствия нередко возникает имя Пушкина, что при допросах М. П. Бестужева-Рюмина в связи с распространением стихотворения «Кинжал» особенно остро встал вопрос о причастности Пушкина к деятельности тайного общества. Изменение намерений Жуковского в отношении Пушкина объяснялось и тем, что круг привлекаемых к следствию все более и более расширялся.

Что касается «примирительного» письма, которое Пушкин написал Николаю I с ходатайством о разрешении ехать для лечения «в Москву или в Петербург, или в чужие края», то на замечание Вяземского: «Оно... сухо, холодно»³⁶ — Пушкин 14 августа ответил: «Иначе и быть невозможно. Благо написано. Теперь у меня перо не повернулось бы». «Теперь» — это после опубликования приговора, о котором Пушкин в том же письме Вяземскому писал: «Повешенные повешены, но каторга 120 друзей, братьев, товарищей ужасна».

Глава вторая

ПУШКИН И ДЕКАБРИСТЫ В ПЕРИОД ПОСЛЕ ПОРАЖЕНИЯ ДЕКАБРЬСКОГО ВОССТАНИЯ

Поскольку следственному комитету не удалось выявить причастность Пушкина к тайному обществу в такой степени, чтобы его навсегда обезвредить, перед царем и его приспешниками встал вопрос: как быть с поэтом?

Тогда и возник коварный замысел использовать Пушкина в интересах самодержавия. В марте 1826 года этот замысел был изложен жандармским полковником И. П. Бибиковым в донесении Бенкендорфу. Бибиков утверждал, что следует по отношению к вольнолюбивой молодежи применять не одни только меры строгости, а искать другие способы «укрошения».

«Выиграли ли что-нибудь от того, что сослали молодого Пушкина в Крым? Эти молодые люди, оказавшись в одиночестве в таких пустынях, отлученные, так сказать, от всякого мыслящего общества, лишённые всех надежд на заре жизни, изливают желчь, вызываемую недовольством, в своих сочинениях, наводняют государство массою мятежных стихотворений, которые разносят пламя восстания во все состояния и нападают с опасным и вероломным оружием насмешки на святость религии, этой узды, необходимой для всех народов, а особенно для русских (см. «Гавриилиаду», сочинение А. Пушкина)».

Далее Бибиков предлагал «полюстить тщеславию этих непризнанных мудрецов — и они изменят свое мнение»¹.

Так началась та линия Николая I и его окружения по отношению к Пушкину, которая заключалась в стремлении обезоружить поэта, обмануть его, заставить его «изменить свое мнение». Этим и только этим можно объяснить, что Николай I вернул Пушкина из ссылки. Аудиенция во дворце была демонстративным актом «милости» царя. Содержание разговора, происходившего между царем и опальным поэтом, осталось неизвестным. Но, по словам современника, Николай I спросил Пушкина: «Что сделали бы вы, если бы четырнадцатого декабря были в Петербурге?» — «Стал бы в ряды мятежников», — отвечал поэт. В виде особой «милости» царь обещал Пушкину, что он сам будет цензором его произведений. Смысл этой «милости» (которая, как оказалось вскоре, еще больше затруднила Пушкину работу) раскрывается в донесении Бенкендорфа Николаю I от 12 июля 1827 года, где о поэте сказано: «... если удастся направить его перо и его речи, в этом будет прямая выгода». Как отметил еще Герцен, император «своей милостью... хотел погубить его (Пушкина. — Б. М.) в общественном мнении, а знаками своего расположения — покорить его»².

Ситуация, в которой оказался Пушкин после разгрома восстания, была необычайно сложной.

День 14 декабря 1825 года стал историческим рубежом для дальнейших судеб России. «В 1825 году Россия впервые видела революционное движение против царизма...» — говорил Ленин. Воспитательное значение этого исторического события для последующих поколений было огромным. Вместе с тем восстание декабристов способствовало дальнейшей поляризации общественных сил. Резко проявились действительные позиции тех, кто случайно оказался в русле политического подъема послевоенных лет, и тех, кто поддельвался под «свободолюбцев», учитывая возможность успеха противников деспотизма, и, наконец, тех, кто пытался быть в стороне от идейно-политической борьбы. Декабрьская катастрофа отчетливо разделила дворянское общество на два лагеря — людей, тайно сочувствовавших этой первой попытке штурма самодержавия, и явных сторонников старой России, получившей теперь нового самодержца — Николая I. «Первые годы, следовавшие за 1825-м, — писал Герцен, — были ужасны... Людьями

овладело глубокое отчаяние и всеобщее уныние. Высшее общество с подлым и низким рвением спешило отречься от всех человеческих чувств, от всех гуманных мыслей...» И. Гончаров об этом же времени говорил: «Тогдашние либералы, вследствие крутых мер правительства, приникли, притихли, быстро превратились в ультраконсерваторов...» Всегда консервативно настроенный, но не любивший резкостей Жуковский впадал буквально в ярость, рассуждая о декабристах. В письме А. И. Тургеневу 16 декабря 1825 года он называл их «шайкой разбойников», «изменниками» и доходил почти до площадной брани. Карамзин со злорадством писал И. И. Дмитриеву: «Первые два выстрела рассеяли безумцев с «Полярной звездой», Бестужевым, Рылевым, и их достойными клеветами». Жуковский всеми силами стремился уговорить Пушкина капитулировать: его письма Пушкину полны упреков, выговоров за вольнодумство и призывов к смирению. Карамзин уговаривал Вяземского даже в разговорах «не вступаться за несчастных преступников», ибо они виновны, как он писал «по всемирному, вечному правосудию»³.

Какую же позицию занял Пушкин в этой страшной и сложной последекабрьской обстановке?

Все факты биографии поэта, которыми мы теперь располагаем, опровергают утверждения вульгарных социологов о том, что он после неудачи декабрьского восстания отказался от идеалов своей юности и поправел. Пушкин, хотя и заблуждался в оценке тех или иных фактов политической жизни (об этом ниже), остался верным заветам своих друзей-декабристов. Известно, как бережно он хранил письма декабристов. Всего лишь за месяц до восстания Пушкин читал обращенные к нему слова Рылеева: «Будь Поэт и гражданин». Теперь, после 14 декабря, эти слова звучали наказом друга, а после казни Рылеева приобрели значение завещания⁴.

После восстания многое предстало для Пушкина в новом свете. Самим ходом событий на поэта возлагалась великая историческая миссия, ибо после разгрома декабристского движения из всех крупнейших деятелей передовой России уцелел только Пушкин. На его долю выпала роль хранителя и продолжателя декабристских традиций в этот период. Он был во главе движения передовой России после декабря. Говоря о значении Пуш-

кина для России после 14 декабря, Герцен писал: «Только звонкая и широкая песнь Пушкина раздавалась в долинах рабства и мучений; эта песнь продолжала эпоху прошлую, наполнила своими мужественными звуками настоящее и посылала свой голос в далекое будущее»⁵.

О том, что Пушкин не «поправел», а в своем развитии шел вперед, свидетельствует прежде всего его творчество, выдвижение в его произведениях острейших вопросов современности (об этом мы будем говорить в следующей главе — «На рубеже двух эпох» и в разделе «Новый эстетический идеал»).

Вскоре после восстания декабристов, 30 декабря 1825 года, вышел сборник стихотворений Пушкина. В ряде изданий неоднократно помещались объявления о продаже «Стихотворений Александра Пушкина». Такие сообщения были напечатаны несколько раз в «Московских ведомостях», в «Московском телеграфе». Выход сборника приобрел в это время значение политического события. Вокруг сборника разгорается борьба. В то время как реакционеры ругают Пушкина (как, например, Д. И. Хвостов, писавший, что в стихотворениях Пушкина «шутки часто плоски или подлы»), молодая Россия зачитывается его стихами и раскупает их нарасхват⁶.

12 января 1826 года А. Я. Булгаков писал К. Я. Булгакову в Петербург: «Здесь раскупили все экземпляры стихотворений Александра Пушкина. Пришли мне экземпляр, хочется посмотреть, что это за хваленые стихи»⁷.

Характерная деталь: эпитафия к этому сборнику стихов Пушкина гласил: «*Aetas prima capat veneres, extrema — tumultus*»^{*}.

В дни следствия над декабристами этот эпитафия получил неожиданно острое звучание. Когда в январе Карамзин прочитал в принесенном ему Плетневым сборнике стихов Пушкина этот эпитафия, он увидел в слове «смятения» намек на современные политические события — восстание декабристов и воскликнул: «Что это вы сделали? Зачем губите себя, молодой человек?» Плетнев пытался успокоить Карамзина тем, что под словом «смятения» поэт подразумевал не политические, а душевные смятения⁸.

^{*} Первая молодость воспеваает любовь, более поздняя — смятения (латин.).

Имеются и другие свидетельства того, какое значение получил этот сборник в то время. Декабрист А. С. Гангеблов, сидя на гауптвахте, с большим наслаждением читал помещенные в сборнике стихотворения. Вспоминая об этом много лет спустя, он не забыл об эпитафье, получившем столь острое звучание. Грибоедов, находившийся под арестом в Главном штабе по делу декабристов, в одном из писем просил: «Пришли мне Пушкина стихотворения на одни сутки». В январе Баратынский и Вяземский читали вместе этот сборник Пушкина и, по свидетельству Баратынского, проглотили всю книгу в один присест⁹.

Передовая Россия и после крушения декабризма видела в Пушкине своего поэта. Об этом говорит и восторженный прием, который был оказан ему в Москве после возвращения из ссылки. Современник вспоминает о посещении Пушкиным Большого театра 12 сентября 1826 года: «...Пушкин вошел в театр, мгновенно пронесся по всему театру говор, повторяющий это имя. Все взоры, все внимание обратилось на него. У разъезда толпились около него...» Во время гулянья под Новинским, по словам очевидца, «толпы народа ходили за славным певцом Эльборуса и Бахчисарая, при восхищениях с разных сторон: «Укажите, укажите нам его»¹⁰.

Поэтесса Е. П. Ростопчина так описывала появление Пушкина на этом гулянье:

Вдруг все стеснилось — и с волнением,
Одним стремительным движеньем
Толпа рванулася вперед...
И мне сказали: «Он идет!»
Он, наш поэт, он, наша слава,
Любимец общий! Величавый
В своей особе небольшой,
Но смелый, ловкий и живой,
Прошел *он* быстро предо мной...¹¹

Весть о возвращении Пушкина из ссылки, о том, что он уцелел после разгрома декабристского восстания, вызывала радость самых разнообразных слоев общества, так или иначе оставшихся в оппозиции к самодержавию. Дельвиг писал Пушкину из Петербурга, что у него даже «люди», то есть дворовые, услышав новость о Пушкине, прыгали от радости. В. В. Измайлов писал Пушкину из

подмосковной деревни 29 сентября 1826 года: «Завидую Москве. Она короновала императора, теперь коронует поэта... Извините, я забываюсь. Пушкин достоин триумфов Петрарки и Тасса; но москвитяне не римляне и Кремль не Капитолий»¹².

Большим событием для культурной и общественно-политической жизни Москвы было чтение Пушкиным своих произведений у Веневитиновых 12 октября 1826 года. Пушкин читал на этом собрании свои песни о Стеньке Разине и трагедию «Борис Годунов». О впечатлении, которое произвело чтение трагедии и сама личность автора, М. П. Погодин писал:

«Представьте себе обаяние его имени, живость впечатления от его поэм, только что напечатанных, «Руслана и Людмилы», «Кавказского пленника» и в особенности мелких стихотворений, каковы: «Празднество Вахха», «Деревня», «К домовому», «К морю», которые просто привели в восторг всю читающую публику, особенно нашу молодежь, архивную и университетскую. Пушкин представлялся нам каким-то гением, ниспосланным оживить русскую словесность. Он обещал прочесть всему нашему кругу «Бориса Годунова», только что им конченного. Можно представить, с каким нетерпением мы ожидали назначенного дня. Наконец настало это вождеденное число. Октября 12 числа поутру спозаранку мы собрались все к Веневитинову и с трепещущим сердцем ожидали Пушкина. Наконец в двенадцать часов он явился.

Какое действие произвело на всех нас это чтение, передать невозможно. До сих пор еще — а этому прошло сорок лет — кровь приходит в движение при одном воспоминании...

Первые явления мы выслушали тихо и спокойно или, лучше сказать, в каком-то недоумении. Но чем дальше, тем ощущение усиливалось...

Кончилось чтение. Мы смотрели друг на друга долго и потом бросились к Пушкину. Начались объятия, поднялся шум, раздался смех, полились слезы, поздравления... О, какое удивительное то было утро, оставившее следы на всю жизнь! Не помню, как мы разошлись, как закончили день, как улеглись спать. Да едва ли кто и спал из нас в эту ночь, так был потрясен весь наш организм»¹³.

Политические стихи Пушкина «Вольность», «Деревня» и другие продолжали ходить по рукам. Об этом сви-

детельствуют и слова шефа жандармов А. Х. Бенкендорфа в его всеподданнейшем отчете: «Кумиром партии», пропитанной либеральными идеями, мечтающей о революции и верящей в возможность конституционного правления в России, «является Пушкин, революционные стихи которого, как «Кинжал», «Ода на вольность», и т. д. переписываются и раздаются направо и налево»¹⁴.

В 1827 году жандармский генерал-майор А. А. Волков доносил Бенкендорфу: «Редкий студент Московского университета не имеет сейчас противных правительству стихов писака Пушкина». На распространенность пушкинских стихов в Харьковском университете жаловался в том же году ректор университета Кронеберг. Тогда же Бенкендорф, выполняя распоряжение Николая I, организовал полицейское обследование этих университетов, откуда, по его словам, «распространяются по стране запрещенные стихи Рыльева и Пушкина». К этому следует добавить, что именем Пушкина подписывались политические стихи, ему не принадлежавшие. Распространялись также его стихи с переделками, приуроченными к декабрьским событиям. Таковы строфы из «Андрея Шенье» с надписью «На 14 декабря», вызвавшие судебный процесс лиц, эти стихи распространявших, — штабс-капитана лейб-гвардии, конноегерского полка Алексева, прапорщика коннопионерного эскадрона Молчанова и «русского учителя» Леопольдова. С новым переосмыслением распространялись и стихи Пушкина «Свободы сеятель пустынный». В своих стихах юнкер Зубов, арестованный в Москве в ноябре 1826 года, использовал заключительные строки пушкинской оды «Вольность»:

Взойдет ли, наконец, друзья,
Среди небес родного края
Давно желанная заря —
Заря свободы золотая?
Придет ли сей великий день,
Когда для русского народа
Исчезнет деспотизма день
И встанет гордая свобода?

Дальше выражена уверенность в том, что этот день придет:

И месть за месть, и кровь за кровь
И все мучительные казни.
И не спасешься ты, тиран...¹⁵

Все это говорит о том, что передовое русское общество продолжало видеть в Пушкине вольнолюбивого поэта, выразителя передового общественного мнения.

Имя Пушкина как певца свободы мелькало то в одном, то в другом следственном деле людей, считавших себя продолжателями декабристов. В 1827 году Московской полицией был раскрыт тайный политический кружок братьев Критских. Петр Критский показал на следствии, что любовь к свободе и ненависть к деспотизму были возбуждены в нем чтением стихов Пушкина и Рылеева. В 1829 году в Шлиссельбургскую крепость был заключен шестнадцатилетний граф Ефимовский. Он придумал для себя герб с изображением на нем всевидящего ока, сломанного скипетра, меча и с надписью на щите: «На обломках самовластья напишем имена свои» — несколько измененные строки из стихотворения Пушкина «К Чаадаеву».

Пушкин умел находить легальные формы для того, чтобы выразить свое отношение к декабризму. Стихотворение «Пророк» (1826) продолжало декабристскую традицию в понимании высокой роли поэта — провидца и учителя, призванного глаголом жечь сердца людей. Оно должно было восприниматься не только как литературная, но и как политическая декларация Пушкина. Написанное вскоре после приговора над декабристами, оно явилось как бы откликом на тайные мысли многих современников Пушкина о роли поэта в новых исторических условиях.

Царское правительство было заинтересовано в том, чтобы представить Пушкина капитулировавшим, раскаявшимся. Тем самым дискредитировалось его имя в глазах всей передовой России. Вот почему слухи о том, что Пушкин в восторге от милости царя, очарован им, предан ему, так охотно сообщались агентами III отделения Бенкендорфу с самыми нелепыми подробностями (хотя одновременно туда же поступали и иные сведения, о том, что вольнолюбивый Пушкин продолжает быть «кумиром» молодого поколения)¹⁶.

Однако Николай I своим лицемерным поведением мнимого «реформатора» и «отца отечества» (как назвал его обманутый декабрист Каховский в письме из крепости) смог все же, хотя и кратковременно, внушить Пушкину иллюзии о своих намерениях. В результате по-

явились «Стансы» («В надежде славы и добра...», 1826), в которых великая преобразовательная деятельность Петра I ставилась в пример Николаю I*. В конце «Стансов» поэт призывал нового царя, подобно Петру, быть «памятью незлобным» (намек на необходимость смягчения участи осужденных декабристов).

Не зная, разумеется, о действительных планах Николая I и Бенкендорфа, Пушкин готов был, по его собственному выражению, «условливаться» с правительством. Он видел, что с устранением декабристов с политической арены исчезла та общественная сила, на которую он рассчитывал и которой помогал словом поэта. Тяжело переживая неудачу восстания, глубоко скорбя о судьбе «друзей, братьев», «товарищей», он понимал, что самодержавие вследствие «силы вещей» победило надолго. Соглашаясь на «договор» с царем, Пушкин, однако, не отказывался от своих убеждений. Знаменательно, что в приведенном выше письме Пушкина Жуковскому от 7 марта 1826 года, предназначенном для демонстрации царю, поэт уже говорит о себе и царском правительстве как бы о двух договаривающихся сторонах. В такой постановке вопроса сказались свойственные мировоззрению Пушкина противоречия: социальный утопизм и в то же время непокорность, достоинство и мужество.

В годы жестокой реакции и расправы с передовыми силами Пушкин не видел иных путей, кроме воздействия словом писателя на общественное мнение. Вместе с тем он пытался было склонить Николая I на путь реформ. Подобного рода попытки русских писателей и общественных деятелей были известны в прошлом, особенно в первые годы александровского царствования, когда царю представлялись проекты различных политических реформ. Эти попытки отражали слабые стороны дворянской оппозиционности и были практически безрезультатны. Теперь Пушкин, обманутый лицемерным отношением царя, решил повлиять на него в таком же на-

* Вследствие лицемерного поведения Николая I вначале верили в возможность появления в его лице «нового Петра Великого» и некоторые декабристы. Например, А. Бестужев писал Николаю I из крепости: «Я уверен, что небо даровало в вас другого Петра Великого»¹⁷.

правлении. Ходившие в то время слухи о задуманных правительством реформах убеждали поэта в правильности занятых им позиций. О предстоящих преобразованиях Николай I говорил Пушкину во время свидания с ним.

Манифест Николая I от 13 июля 1826 года содержал в своей «программной» части демагогические строки о «постепенном усовершенствовании» и о том, что «всякое скромное желание к лучшему, всякая мысль к утверждению силы законов, к расширению истинного просвещения и промышленности, достигая к нам путем законным, для всех отверзтым, всегда будут приняты нами с благоволением»¹⁸.

Пройдя через мучительные колебания и решившись на своеобразный политический компромисс, Пушкин вначале верил в возможность сохранения независимости своих взглядов. Впервые он выступил в новой роли в записке «О народном воспитании», написанной им в ноябре 1826 года по предложению Николая I. Несмотря на крайнюю осторожность, проявленную Пушкиным, записка, как уже говорилось, была отвергнута Николаем I. Общее направление пушкинской записки было истолковано как декабристское по своей сути.

Вторая попытка Пушкина воздействовать на царя нашла выражение в «Стансах», стихах, столь повредивших поэту в общественном мнении. На замысел стихотворения, как уже отмечалось в биографиях Пушкина, оказало влияние распространившееся известие об учреждении секретного комитета для проведения некоторых важных правительственных мероприятий в области политики и просвещения.

Письма из крепости, которые писали Николаю декабристы, призывавшие его к реформаторской деятельности, так же как и «Стансы» Пушкина, основаны на антиисторическом по своему существу пониманию роли личности в истории. Согласно этому, в корне ошибочному, внеклассовому пониманию, личность, обладающая законодательной властью, может произвести, если пожелает, коренные изменения существующих порядков по «доброй воле». Корни этого заблуждения — в тех отступлениях к либерализму, которые порою были свойственны дворянской революционности. Отсюда логически вытекала

идея о необходимости влиять на царя и склонить его к переменам.

«Стансы», не оправдав надежд поэта, в то же время вызвали в различных кругах русского общества разговоры о «лести» Пушкина царю, об его отходе от своих былых идеалов. На эту тему распространилась даже клеветническая эпиграмма. Ответом на все это явилось стихотворение «Друзьям» («Нет, я не льстец, когда царю...», 1828), в котором появление «Стансов» мотивировалось тем, что

Россию вдруг он оживил
Войной, надеждами, трудами.

Здесь подразумевались внешнеполитические акции России в начале царствования Николая (аккерманская конвенция 1826 года и успешная война с Персией), а также некоторые действия царя внутри страны (например, отставка Аракчеева, указ о составлении свода законов и т. д.). В последних строфах этого стихотворения Пушкин в ответ на упреки «друзей» противопоставляет себя льстецам, которые призывают к «презрению народа», к подавлению просвещения* и ограничению «милости». Тем самым поэт предлагает свою программу: ограничение самодержавной власти, защита народных прав и просвещение. Однако попытка Пушкина «договориться» с Николаем I была ошибочной. Иллюзии поэта, отразившиеся и в «Стансах» и в стихотворении «Друзьям», вскоре рассеялись.

Одним из свидетельств этого является стихотворение 1830 года «Герой», написанное в связи с приездом Николая I в Москву во время холерной эпидемии. Поэт воспевает Наполеона, посетившего во время египетского похода госпиталь больных чумой. Друг поэта прерывает его, напомнив, что историк опровергает этот факт, и под-

* В стихотворении этом есть намек на отношение Николая I к записке Пушкина «О народном воспитании». В уста «льстеца» вложены слова:

...просвещенья плод —
Разврат и некий дух мятежный!

Именно таков смысл назиданий, которые Бенкендорф от имени царя передал Пушкину в ответ на его записку.

виг Наполеона существует только в вымысле поэта, его мечтах, несоответствующих исторической правде:

Мечты поэта —
Историк строгий гонит вас! *

Несмотря на то, что в споре с другом поэт защищает право на возвышающий обман:

Оставь герою сердце! Что же
Он будет без него? Тиран... —

замысел «Героя» для нас ясен. В образе поэта отразились мысли и настроения самого Пушкина, еще недавно возлагавшего на царя «надежды славы и добра», а теперь видящего в нем тирана. В «Стансах» поэт мечтал о том, что Николай может быть сходным с «вечным работником» на троне — Петром I. А в дневнике 1834 года, который Пушкин писал как «историк строгий», бывшие свои иллюзии он опровергает иронической формулировкой: «В нем много от прапорщика и немножко от Петра Великого».

Позиция Пушкина второй половины 20-х годов по отношению к царю была неправильно понята некоторыми из современников. Будучи связанным обязательством «не противоречить своими мнениями» «общепринятому порядку», Пушкин остался, однако, одним из немногих людей России, сохранивших в годы свирепого последекабрьского террора верность идеалам политической свободы.

Пушкин не переставал ощущать идейную связь с декабристами. Послание «Во глубине сибирских руд» (1827) явилось своего рода переключкой между ссыльными декабристами и лучшими людьми России, оставшимися верными передовым идеям 20-х годов. Оно распространилось в России в большом количестве экземпляров, причем имело различные названия, и среди них такие: «К страдальцам 1826 года», «В Сибирь, сосланным после 14 декабря», «Послание к друзьям», «Послание в Петровский завод» и т. д.

Читатели позднейших поколений настолько привыкли к тексту стихотворения Пушкина еще с детских лет, что не всегда могли осознать огромное значение, которое оно имело в страшные годы после разгрома декабрь-

* Пушкин осторожно ссылается в стихотворении на мемуары Бурьена, опровергавшие эту легенду о Наполеоне. Впоследствии эти мемуары признаны поддельными.

ского восстания. Между тем в литературоведении существовала трактовка этого стихотворения как весьма умеренного по своему политическому содержанию. Так, например, в комментариях «Во глубине сибирских руд», помещенных в собрании сочинений Пушкина под редакцией С. А. Венгерова, мы читаем: «Стихи Пушкина, призывающие к терпению и надежде, заставили их (декабристов. — Б. М.) вспомнить о мечтах, и от собственных мечей они продолжали ждать свободы вернее, чем от любви и дружбы. Поэт обещает декабристам только амнистию и восстановление в правах, а не осуществление их заветного политического идеала, и в крепком рукопожатии, которым простился Пушкин с женой декабриста (А. Г. Муравьевой. — Б. М.), проявилось не сочувствие этому идеалу, а только соболезнование горькой участи дорогих и близких людей»¹⁹.

Подобное мнение встречалось в литературоведении не только дооктябрьском, но и более поздних работах о Пушкине.

Каковы основные идеи этого произведения?

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.

В этой строфе декабристы действительно призываются к терпению. Однако слово «терпенье» здесь употреблено не в смысле примирения с существующим положением вещей, не в смысле смирения. Пушкин говорит о *гордом* терпенье, подразумевая при этом стойкость, мужество, сопротивление.

Именно в этом смысле упоминается терпенье и в другом стихотворении 1828 года «Предчувствие» (написанном в связи с привлечением Пушкина к секретному следствию по делу о поэме «Гавриилиада»):

Сохраню ль к судьбе презренье?
Понесу ль навстречу ей
Непреклонность и терпенье *
Гордой юности моей?

Именно терпенье в смысле стойкости и подразумевает Пушкин в первой строфе стихотворения «Во глубине

* Подчеркнуто мною. — Б. М.

сибирских руд», где он говорит о том, что «скорбный труд» и «дум высокое стремленье» декабристов не пропадут, что их идеалы станут действительностью.

В дальнейших строфах выражена горячая надежда на то, что дело декабристов в конце концов победит:

Несчастью верная сестра,
Надежда в мрачном подземелье
Разбудит бодрость и веселье,
Придет желанная пора:
Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.
Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут — и свобода
Вас примет радостно у входа.
И братья меч вам отдадут.

Здесь выражены те же идеи, те же надежды, что и в стихотворении «К Чаадаеву» («Любви, надежды, тихой славы...»). Речь идет вовсе не об амнистии, не о помиловании, а о том, что «темницы рухнут» и борцы обретут вновь свое оружие («меч»).

Знаменитый ответ декабристов Пушкину, написанный Александром Одоевским («Струн вещей пламенные звуки») является непосредственным развитием идей пушкинского послания.

Словам Пушкина: «Не пропадет ваш скорбный труд» непосредственно соответствуют слова Одоевского: «Наш скорбный труд не пропадет». Призыву Пушкина — «Храните гордое терпенье» соответствуют строки Одоевского:

Но будь покоен, бард: цепями,
Своей судьбой *гордимся* мы... *

Словам Одоевского «К мечам рванулись наши руки» соответствуют слова Пушкина: «...братья меч вам отдадут».

Послание Пушкина нельзя рассматривать только как выражение его личного отношения к декабристам. Оно, несомненно, явилось отражением настроений оппозиционных слоев передового русского общества.

Несмотря на жестокий террор, передовые русские люди продолжали бороться, продолжали протестовать, продолжали демонстрировать свое сочувствие декабристам.

* Подчеркнуто мною. — Б. М.

Из мемуарной литературы мы знаем, что дело иногда доходило до прямых стычек между теми, кто сочувствовал декабристам, и теми, кто радовался их осуждению.

В этот период из уст в уста передавали рассказы о восстании декабристов, о следствии и суде над ними, об их пребывании на каторге и в ссылке. Эти рассказы, которые сохранились в неполных, отрывочных записях современников, носили явно антиправительственный характер. Они свидетельствуют о большой степени осведомленности населения (в том числе солдат) об основных целях декабристов, о ходе следствия и суда над ними, о мучительной казни пятерых вождей движения. Сочувствие декабристам иногда принимало и публичный характер. Во время церемонии разжалования осужденных моряков в Кронштадте нашлись офицеры, пожимавшие им руки и приветствовавшие их. С теплотой принимало население осужденных во время их перехода в Сибирь.

Немалое распространение получили в то время размножавшиеся в рукописных копиях листовки, клеймившие Николая I — палача декабристов, призывавшие к мести, к расправе с деспотом (таковы листовки, рассылавшиеся штабс-капитаном Ситниковым по разным городам России, такова ода-прокламация «Свобода», которая разбрасывалась во Владимирской губернии). Большое агитационно-пропагандистское значение имело распространение портретов декабристов. В связи с этим III отделение дало указание, чтобы портреты декабристов и их жен изымались. В одном из полицейских донесений утверждается, что портреты жен декабристов почитались как иконы и на них молились. Вокруг жен декабристов группировались люди, враждебные самодержавию. Так, в полицейском доносе, написанном вскоре после казни вождей восстания, говорится: «Между дамами две самые непримиримые и всегда готовы разорвать на части правительство — княгиня Волконская и генеральша Коновницына. Их частные кружки служат сосредоточением для всех недовольных, и нет брани более той, какую они извергают на правительство и его слуг». Пропагандистское значение имели также письма декабристов, которые распространялись в копиях. Распространению писем вначале содействовала надпись на конвертах: «От государственного преступника». Но и после того, как III отделение, догадавшись, что эта

надпись только лишь способствует распространению писем, дало указание их не делать, все же письма продолжали просачиваться. Пути распространения были очень сложными, но несомненно, что большую роль здесь играли родственники декабристов²⁰.

Имелись факты и прямой мести за декабристов. Так, не лишено интереса, что полицейский агент Бошняк (тот самый, который в 1825 году приезжал в Михайловское для того, чтобы арестовать Пушкина, если бы удалось найти мотивы для этого) в 1831 году был убит. Вот что говорит об этом официальное сообщение:

«Служа с пользой отечеству, неожиданно с кучером и камердинером, при переезде из места в место, был злодейски застрелен за открытие в 1825 году заговора»²¹.

Николай I полагал, что, повесив вождей и загнав остальных участников восстания на каторгу и в ссылку, он заставит русское общество забыть о них, а оставшиеся в живых декабристы отступятся от своих идеалов.

Консервативные историографы декабризма, а также и позднейшие историки вульгарно-социологического направления с особой внимательностью регистрировали случаи отступничества в среде декабристов на каторге и в ссылке, проявления душевного надлома, скептицизма. Все это в действительности имело место. Однако только вследствие полного пренебрежения к фактам М. Н. Покровский и его последователи смогли утверждать, что декабристы после декабрьской катастрофы «сожгли свои корабли» и полностью капитулировали. На самом же деле, хотя среди декабристов произошло известное расслоение, хотя среди них в ходе следствия обнаружили люди деморализованные и малодушные и даже прямые ренегаты, тем не менее в основной своей массе они остались верны своим вольнолюбивым идеалам. Доказательства этому многочисленны. Достаточно внимательно пересмотреть документы, мемуары, литературные произведения декабристов периода каторги и ссылки.

Многие декабристы не только сохранили свои революционные убеждения, но зачастую делали в тех или иных формах попытки оказывать сопротивление.

Наиболее яркой попыткой такого рода является замысел открытого восстания, который принадлежал

И. И. Сухинову, декабристу, приговоренному к смертной казни, замененной затем вечной каторгой. Пройдя по этапу (он шел восемнадцать месяцев) на каторгу в Зерентуйский рудник, он вскоре же стал организатором заговора. По плану Сухинова, заключенные должны были захватить оружие, сжечь каторжный поселок и освободить декабристов всего Нерчинского округа. Это восстание провалилось потому, что один из каторжан (кстати, не политический, а уголовный) выдал заговор (за это он был убит заговорщиками). Суд приговорил Сухинова к смертной казни, как и некоторых его сообщников. Однако, не желая погибнуть от руки палача, он накануне казни повесился на кандалном ремне ²².

Есть и другие факты, которые говорят о попытках бегства декабристов из тюрем и в одиночку и группами, причем зачастую эти попытки замышлялись заключенными не только для спасения жизни, а преследовали и политические цели. Так, Лунин стремился бежать, для того чтобы, по его словам, «огласить правду о нашем деле и настоящее положение России» ²³.

Свидетельством верности декабристов своим идеалам является священная память о дне 14 декабря, который отмечался заключенными. Об этом же говорит и так называемая «каторжная академия» — своеобразный дискуссионный клуб декабристов в Сибири. В том же ряду стоит такой единственный в своем роде факт, как агитационная деятельность декабриста М. С. Лунина, который в форме писем к сестре создал блестящие публицистические произведения, обличавшие политику Николая I и распространившиеся в копиях по России.

Оставшиеся в живых писатели-декабристы не прекратили своей литературной деятельности. В. Ф. Раевский, В. Кюхельбекер, А. Бестужев написали в заключении яркие и сильные произведения, прославлявшие идеи свободы, любовь к отчизне; стихотворцами стали и декабристы, ранее не занимавшиеся литературой.

Пережить нельзя мысли горестной,
Что не мог купить кровью вольности! —

говорилось в песне, сочиненной Михаилом Бестужевым и распевавшейся узниками Петровского острога. На каторге вернулось мужество к Александру Одоевскому, в период следствия впавшему в покаянные настроения.

Советское литературоведение доказало, что приписанные ранее Одоевскому верноподданнические и покаянные стихотворения, якобы написанные на каторге, ему не принадлежат. В этом свете огромное значение приобретает характеристика Одоевского Лермонтовым как поэта, сохранившего «веру гордую в людей и жизнь иную». Уверенность в конечном торжестве правого дела — один из основных мотивов поэзии Одоевского.

За святую Русь неволю и казни —
Радость и слава, —

эти слова звучали, подобно клятве. В стихах Одоевского возникает страдальческий образ родины-матери, для которой декабристы принесли себя в жертву и которая стала им еще милее:

В цепях и крови ты дороже сынам,
В сердцах их от скорби любовь возрастает...

Мечта о возмездии тиранам не покидала декабристов и в казематах. Об этом Одоевский говорил в стихотворении «Тризна» словами скальда:

Утештесь! За павших ваш меч отомстит.
И где б ни потухнул наш пламенный жизни,
Пусть доблестный дух до могилы кипит,
Как чаша заздравная в память отчизны²⁴.

Тема «Декабристы после декабря» еще ждет своей всесторонней разработки. За последние годы появились новые материалы. Так, В. Шадури опубликовал данные, из которых следует, что ряд ссыльных декабристов пытался захватить в свои руки «Тифлиссские ведомости», газету, которую редактировал Санковский, где сотрудничали Грибоедов, Бестужев-Марлинский, Сухоруков, Бурцов — литераторы-декабристы, определявшие прогрессивное направление газеты. Весьма характерно, что эта газета выступала против реакционной журналистики, против Булгарина. В. Шадури справедливо заключает: «Изучение материалов лишний раз убеждает нас в том, что «дух протеста», охвативший передовую общественность России, не был уничтожен с разгромом восстания на Сенатской площади.

Паскевич недаром писал, что у сосланных в Грузию декабристов «дух сообщенства существует, который по слабости своей не действует, но с помощью связей между собою живет»²⁵.

Мы не можем более подробно останавливаться на теме о декабристах после декабря, ибо это увело бы нас от основной задачи исследования. Но из приведенных фактов можно с полным основанием заключить, что стихотворение Пушкина «Во глубине сибирских руд» явилось глубоким отражением чувств и переживаний всего передового русского общества:

Творчество Пушкина не только будило сознание нового поколения лучших людей России, но и поддерживало осужденных декабристов.

Пушкин свято хранил память о декабристах. Он использовал все возможные формы для того, чтобы напоминать о них русскому обществу.

Декларацией верности Пушкина освободительным идеалам звучит стихотворение 1827 года «Арион». Как отмечено Т. Г. Цявловской, оно написано в годовщину казни декабристов. Словами «Я гимны прежние пою» Пушкин подтверждал свою идейную связь с друзьями, томившимися в «каторжных норах». Мотивы близости поэта к декабристам, его кровной заинтересованности в их судьбе проходят и в ряде других стихотворений. В послании декабристу И. И. Пущину («Мой первый друг, мой друг бесценный...») Пушкин вспоминает приезд к нему Пущина в Михайловское в 1825 году. В написанном к лицейской годовщине стихотворении «19 октября 1827» вспоминаются друзья, находившиеся на каторге — «в мрачных пропастях земли».

Декабристы с волнением воспринимали все то, что было связано с ними в пушкинских произведениях. О заключительной строфе «Евгения Онегина» с ее полными скорби строками о друзьях («Иных уж нет, а те далече»), о «роке», который так много «отъял», Кюхельбекер заметил в своем дневнике: «Эпилог, лучший из всех эпилогов Пушкина»²⁶.

Пущин впоследствии писал: «Пушкин первый встретил меня в Сибири задушевным словом. В самый день моего приезда в Читу (5 января 1828 года. — Б. М.) призывает меня к частоколу А. Г. Муравьева и отдает

листок бумаги, на котором неизвестной рукой написано было:

Мой первый друг, мой друг бесценный!
И я судьбу благословил,
Когда мой двор уединенный,
Печальным снегом занесенный,
Твой колокольчик огласил.
Молю святое провиденье:
Да голос мой душе твоей
Дарует то же утешенье,
Да озарит он заточенье
Лучом лицейских ясных дней!»

(Псков, 13 декабря 1826 года) ²⁷

Декабристы следили за произведениями Пушкина, появлявшимися в печати. Пушин свидетельствовал в воспоминаниях: «В тюрьме мы следили за литературным развитием Пушкина, мы наслаждались всеми его произведениями, являвшимися в свет» (известно, что с 1828 года декабристам было разрешено получение журналов). Петр Бестужев, оценивая в одном из своих писем 1829 года произведения Пушкина, признавался: «Новые произведения любимых поэтов согревали нас и в вьюгу зимы, и в зной лета, и в пылу битвы». Иносказание достаточно прозрачное ²⁸.

Декабристы часто мыслили образами пушкинских стихов, находили в них созвучные настроения. Так, например, А. О. Корнилович в одном из писем 1832 года говорит о своем настроении словами Пушкина из стихотворения «К Овидию»:

Суровый славянин, я слез не проливал,
Но понимаю их... ²⁹

Это же стихотворение, написанное Пушкиным в южной ссылке и выражающее душевное состояние и непреклонность изгнанника, вспоминает и Кюхельбекер.

Декабристы были в Сибири пропагандистами творчества Пушкина. Так, например, о популяризации Пушкина Пушиным в Ялutorовске один из современников рассказывает: «Больше других о прошлом говорил И. И. Пушин. Он часто рассказывал о своей дружбе с А. С. Пушкиным, о самом поэте, о литературных собраниях, на которых Александр Сергеевич читал друзьям свои стихи. У Пушина было много собственноручных писем и рукописей Пушкина, которые Иван Иванович показывал собеседникам» ³⁰.

В стихотворении «19 октября 1836 года», присланном Пушкину тайно, с оказией, Кюхельбекер, обращаясь к нему, восклицает:

Чьи резче всех рисуются черты
Пред взорами моими? — Как перуны
Сибирских гроз, его золотые струны
Рокочут... Песнопевец, это ты!
Твой образ свет мне в море темноты³¹.

Кюхельбекер находил пути для тайной переписки с Пушкиным. Он писал ему из Сибири: «А вот же Пушкин оказался другом гораздо более дельным, чем все. Верь, Александр Сергеевич, что умею ценить и чувствовать все благородство твоего поведения; не хвалю тебя и даже не благодарю, потому что должен был ожидать от тебя всего прекрасного; но клянусь, от всей души радуюсь, что так случилось»³².

Встает, однако, вопрос: почему некоторые из ссыльных декабристов отрицательно отзывались о Пушкине?

Наиболее резким был отзыв члена Общества соединенных славян И. И. Горбачевского. Горбачевский утверждал, будто бы членам общества было воспрещено Верховной думой общаться с Пушкиным, когда он жил на юге, вследствие его легкомыслия. Факты дружбы Пушкина с декабристами свидетельствуют о том, что это утверждение — результат какой-то путаницы*. Важно, однако, другое: чем мотивировал Горбачевский свое отношение к Пушкину и насколько эти мотивы были справедливы.

Отрицательную оценку Пушкина Горбачевский дал много лет спустя после смерти поэта, в 1861 году, основываясь главным образом на известном письме Жуковского к С. Л. Пушкину (1837). Доказывая, что Пушкину не следовало доверять, Горбачевский пишет: «Теперь я в этом совершенно убежден, и он сам при смерти это подтвердил, сказавши Жуковскому: «Скажи ему, если бы не это, я был бы весь его» (подразумеваются мнимые слова Пушкина, которые он якобы просил Жуковского передать царю. — Б.М.). Что это такое? Это сказал

* П. Е. Щеголев в статье «Декабрист И. И. Горбачевский о Пушкине» указал, что здесь память изменила Горбачевскому. Такое постановление Верховной думы Южного общества не могло быть дано ранее сентября 1825 года. Между тем Пушкин уже в августе 1824 года был в ссылке в Михайловском³³.

народный поэт, которым именем все аристократы и поддипалы так называют»³⁴.

Итак, главным источником суждения Горбачевского служило письмо Жуковского о смерти Пушкина, в котором Жуковский в совершенно ложном свете изобразил отношение Пушкина к Николаю I. Это же письмо произвело гнетущее впечатление даже на такого ближайшего друга Пушкина, каким был Пущин. В письме к Энгельгардту 4 декабря 1837 года Пущин писал: «О Пушкине давно я глубоко погрузился; в «Современнике» прочел письмо Жуковского; это не помешало мне и теперь не раз вздохнуть о нем, читая (воспоминания. — Б. М.) Спасского и Даля». Александр Бестужев также писал брату Павлу: «Отчего Пушкин худо умер; это мне пишут люди с понятием». Несомненно, под впечатлением свидетельства Жуковского о якобы имевшем место примирении Пушкина с Николаем I, написаны и те строки о Пушкине, которые имеются в «Воспоминании о Рылеве» Николая Бестужева. Всем этим отрицательным отзывам о Пушкине способствовали и распространенное еще при его жизни неправильное понимание смысла «Стансов», а также слухи о том, что Николай I оказывал поэту всяческие милости, слухи, которые, как уже говорилось, намеренно поддерживались реакционными кругами и широко распространялись не только в Москве и Петербурге, но, безусловно, доходили и в Сибирь³⁵.

Общественная реакция на назначение поэта камерюнкером говорит о том, насколько драматичным оказалось положение Пушкина.

Глубочайшее возмущение поэта этим гнусным поступком царя было известно лишь очень узкому кругу лиц. По рукам ходила эпиграмма, где Пушкин именовался «придворным лизоблюдом». Она могла быть написана только враждебным ему человеком. Но вот что думали, например, даже близкие Пушкину люди.

В 1826 году Н. Языков сообщал П. М. Языкову: «Пушкин в большой милости у государя...» В феврале 1833 года Плетнев писал Жуковскому, что Пушкин «возит жену свою по балам не столько для ее потехи, сколько для собственной». В марте 1833 года А. Н. Вульф записывает в дневнике: «В Байроновом «Пророчестве Данте» остановился я на мысли, что тот, что входит го-

стем в дом тирана, становится его рабом... Мысля об этом, я рассчитываю, как мало осталось вероятностей к будущим успехам Пушкина, ибо он не только в милости, но и женат». О непонимании истинного положения, в котором оказался Пушкин в 30-е годы, об одиночестве поэта свидетельствуют также недавно найденные письма Карамзиных — людей, хорошо знавших его и, несмотря на это, обнаруживших поразительную слепоту в оценке драматической ситуации, сложившейся в последние годы его жизни. Что же касается восприятия в широкой демократической среде самого факта назначения Пушкина камер-юнкером, то достаточно напомнить о словах Белинского, писавшего, что, стоило Пушкину «надеть камер-юнкерскую ливрею, чтобы вдруг лишиться народной любви». Эти слова были плодом трагического недоразумения и, конечно, не выражали ни в коей мере общей оценки Пушкина Белинским, который высоко чтит его как великого народного поэта. Но все же непонимание современниками политических позиций Пушкина является фактом несомненным³⁶.

Женитьба Пушкина на Гончаровой и его «камер-юнкерство» вызвали и у некоторых декабристов серьезную тревогу. И. Пущин писал об этих фактах биографии своего друга: «И то и другое как-то худо укладывалось во мне: я не умел представить себе Пушкина семьянином и царедворцем; жена-красавица и придворная служба пугали меня за него». Сведения о мнимых успехах Пушкина в свете вызвали резкую реакцию у Александра Бестужева, который пытался через разных лиц сообщить поэту о своих опасениях, напомнить ему о гражданском долге. В январе 1831 года Бестужев писал матери: «Он писатель, заблудившийся из XVIII века в наш, и жаль, писатель, который своим даром мог бы...» Через два года он же пишет К. А. Полевому: «Я готов, право, схватить Пушкина за ворот, поднять его над толпой и сказать ему: «Стыдись! Тебе ли, как болонке, спать на солнышке перед окном на пуховой подушке детского успеха?» Особенно характерно письмо Бестужева Н. А. Полевому 9 марта 1833 года. В нем и горячая любовь к Пушкину и тревога за него. «Давно ли, часто ли вы (видитесь. — Б. М.) с Пушкиным? — писал Бестужев. — Мне он очень любопытен. Я не сержусь на него именно потому, что его люблю. Скажите, что нет

судьбы! Я сломя голову скакал по утесам Кавказа, встретя его повозку: мне сказали, что он у Бориса Чиляева, моего старого однокашника; спешу, приезжаю — где он?.. Сейчас лишь уехал, и, как нарочно, ему дали провожатого по ново околенной дороге, так что со мной и не встретился!.. Я рвал на себе волосы с досады, — сколько вещей я бы ему высказал, сколько узнал бы от него, и случай развел нас на долгие, может быть на бесконечные годы. Скажите ему от меня: ты надежда Руси, не измени ей, не измени своему веку; не топи в луже таланта своего; не спи на лаврах: у лавров для гения есть свои шипы — шипы вдохновительные, подстрекающие; лавры лишь для одной посредственности мягки, как маки»³⁷.

Совершенно ясно, что подобные представления о позициях Пушкина — результат трагического недоразумения: как раз в то время, когда поэт оказывался во все более и более тяжелом положении, когда он становился во все более острые отношения с царем, III отделением, светским обществом, некоторые из его друзей полагали, что он благополучен и доволен.

И все же, несмотря на приведенные выше отдельные отрицательные суждения, общее отношение декабристов к Пушкину после декабря было, как мы показали выше, не только положительным, но и восторженным. Тот же Александр Бестужев, который с откровенной резкостью писал в приведенных выше письмах о своих тревогах по поводу позиций Пушкина, в известной статье 1833 года писал: «...дерзкий Пушкин, почти ровесник своему веку и вполне родной своему народу»³⁸. Опасения же, что светские круги, с которыми волей-неволей соприкасался Пушкин, могут оказать на него свое растлевающее влияние, были вполне законными. Ведь и сам Пушкин восклицал в лирическом отступлении шестой главы «Евгения Онегина», обращаясь к «младому вдохновенью»:

Не дай остыть душе поэта,
Ожесточиться, очерстветь,
И, наконец, окаменеть
В мертвящем упоеньи света

Гибель Пушкина потрясла декабристов: это была потеря незабвенного друга и величайшего национального

гения. Как о павшем в сражении герое, писал в сибирской ссылке Кюхельбекер о смерти Пушкина:

Блажен, кто пал, как юноша Ахилл,
Прекрасный, мощный, смелый, величавый,
В середине поприща побед и славы,
Исполненный несокрушимых сил!
Блажен! Лицо его, всегда младое,
Сиянием бессмертия горя,
Блестит, как солнце вечно золотое,
Как первая эдемская заря³⁹.

По воспоминаниям Пушкина, весть о гибели Пушкина «электрической искрой сообщилась тюрьме — во всех кружках только и речи было, что о смерти Пушкина, об общей нашей потере...»⁴⁰

Пушкин остался в глазах декабристов поэтом-товарищем, славой и гордостью России.

Глава третья

НА РУБЕЖЕ ДВУХ ЭПОХ

Итак, при всей остроте политической ситуации, сложившейся в России после разгрома восстания декабристов, Пушкин не только не отступил от своих убеждений, но был во главе тех людей, которые напоминали о героике прошлого, разжигали недовольство существовавшими порядками и укрепляли веру в лучшее будущее. Это была мучительная борьба «с платком во рту», но все же *борьба*, а не смирение и не капитуляция. Обстановка жесточайшего террора, созданная полицейски-бюрократическим аппаратом николаевской России, шпионаж, проникавший в общественную и личную жизнь, откровенно циничные призывы цензуры улавливать «ухищрения пишущих» (то есть контролировать не только результаты работы писателей, но и их скрытые намерения) — все эти тягчайшие условия времени своеобразно отразились и в литературе. Наперекор всем силам реакции Пушкин в эти годы не только продолжает традиции декабризма, но и выдвигает новые проблемы, диктуемые новыми условиями общественной жизни, обращается в своем творчестве к изображению демократических низов, простого люда и, наконец, разрабатывает самую острую тему современности — тему крестьянских восстаний.

Трагизм положения, в котором Пушкин оказался после поражения декабрьского восстания, заключается не только в том, что он подвергался ожесточенной травле

царским правительством, придворными кругами, реакционной журналистикой; эта сторона его биографии освещена с наибольшей полнотой, и нет необходимости здесь на ней останавливаться. Меньше внимания обращалось исследователями на мучительные переживания Пушкина, которые были вызваны непониманием современниками существа его политических позиций. Эти позиции во всей их истинности могут быть прояснены только теперь, когда достоянием всякого, кто изучает мировоззрение поэта, является все его наследие, включая переписку и дневники, когда стали известными ранее засекреченные архивные материалы, полностью раскрывающие гнусную, коварную политику Николая и его приближенных по отношению к Пушкину. Но при жизни Пушкина его истинные позиции во многих существенных моментах не были известны широким кругам передового русского общества и, более того, как уже упоминалось выше, искажались.

Ликвидация движения декабристов означала поражение реальной силы, которая организовано боролась за уничтожение самодержавия и крепостничества. Но проблема революционных переворотов остается основной в размышлениях Пушкина о ходе исторического развития. Ей посвящены наброски большого оставшегося незавершенным труда по истории французской революции. Об интересе к этой проблеме говорит и напряженность, с которой Пушкин следил за июльской революцией 1830 года, и интерес, проявленный им ко всем политическим известиям, которые приходили с Запада и свидетельствовали о нарастании во всем мире глубоких социальных конфликтов. Но особенно интересовала Пушкина стихия крестьянских восстаний. Крестьянские волнения охватили после декабрьских событий всю Россию и достигли такого размера, что среди дворянства начались разговоры о «новой пугачевщине».

Особенно взволновало правительственные круги стремление крестьян поддержать восстание Черниговского полка на Украине: в Белой Церкви на его поддержку встали около четырех тысяч крестьян. О размахе крестьянского движения и страхе правительства свидетельствует манифест Николая I от 12 мая 1826 года, изданный по случаю крестьянских волнений с угрозами наказывать восставших «по всей строгости законов»¹. О некоторых фак-

тах этого рода Пушкин несомненно знал во всех подробностях. Так, во время его пребывания в Михайловском в 1826 году, в Псковской губернии прокатилась волна крестьянских бунтов. Вот один из характерных эпизодов. Весной 1826 года в имении Цез сорок крестьян в течение трех дней выдержали осаду вызванной туда военной команды. К ним на помощь решили прийти крестьяне, бывшие вне осады, мужчины и женщины. С этой целью они подожгли одно из усадебных строений в надежде, что при тушении пожара удастся освободить осажденных, но военной команде запрещено было тушить пожар. Все же осажденные пробились вперед и пустили в ход огнестрельное оружие. В имении другого псковского помещика, Наинского, восстали около шестидесяти крестьян, вооруженных ружьями и пиками. На их усмирение также была послана военная команда².

В 30-е годы Россия была взбудоражена сева­стопольским бунтом, волнениями горнозаводских крестьян Урала, «холерными бунтами» и, в частности, мощным восстанием в новгородских военных поселениях летом 1831 года. В конце 20-х — начале 30-х годов многочислен­ные волнения произошли в губерниях Петербургской, Москов­ской, Вологодской, Новгородской, Могилевской, Воронежской, Вятской, Симбирской, Пензенской и др., причем часто против восставших применялась военная сила. Увеличивались с каждым годом побегов крепостных, участились случаи поджога усадеб, убийства помещиков. Напуганный всем этим Николай I, преувеличивая размах событий, сравнивал их с «бывшей французской революцией». В «Обзрении расположения умов и различных частей государственного управления в 1834 г.» говорилось: «Год от года распространяется и усиливается между помещичьими крестьянами мысль о вольности. В 1834 г. много было примеров неповиновения крестьян своим помещикам, и почти все таковые случаи... единственно от мысли иметь право на свободу»³.

В напряженной обстановке 30-х годов у Пушкина возник ряд замыслов, объединенных единой проблемой. Положение русского крестьянства, причины, формы и судьбы крестьянского протеста — таковы темы, которые легли в основу «Истории села Горюхина», «Дубровского», «Истории Пугачева», «Капитанской дочки», «Путешествия из Москвы в Петербург».

Первые четыре произведения подвергались в советском литературоведении более или менее обстоятельному изучению как в общих работах о Пушкине, так и в специальных монографиях и диссертациях.

В советские годы впервые было определено идейное значение «Истории села Горюхина» (1830). Установлено также, что, работая над этим произведением, Пушкин использовал свои собственные наблюдения (в черновиках имеются названия деревень Псковской губернии — Дериглазово, Перкухово). В повести даны картины обездоленной и разоренной крепостной деревни, некогда вольной, но обедневшей «от тиранства». Описание крепостного быта деревни выросло в сатиру на всю Россию, страну, «по имени столицы своей Горюхиным называемую». Все изображение деревни с бесчеловечным хозяйничаньем помещиков и крайней нищетой крестьян логически подводило к вопросу о восстании крепостных. В плане окончания повести намечено кратко, но выразительно: «Бунт»⁴.

Анализируя пушкинскую «Историю Пугачева» (1833), исследователи (Ю. Г. Оксман, А. И. Чхеидзе и другие) показали, что в этом своем историческом труде Пушкин осветил пугачевское восстание как результат столкновения противоположных классовых интересов, доказал, что его причины коренятся в нещадном угнетении крестьянства, дал яркую, обобщенную характеристику поднявшегося на борьбу народа и его предводителя Пугачева. Как установлено А. И. Грушкиным, пушкинская «История Пугачева» в завуалированном виде была полемически направлена против реакционной дворянской историографии, злобно клеветавшей на Пугачева и русское крестьянство. В то же время большинство исследователей справедливо указывают, что стихийность крестьянского восстания, его методы расправы с помещиками не принимались Пушкиным⁵.

В числе произведений, примыкающих к теме крестьянского протеста, часто называется «Дубровский» (1832—1833). Однако это верно только до некоторой степени.

Сюжетной основой этой повести является не вражда помещиков и крестьян, а конфликт между представителями двух слоев русского дворянства, принадлежавшим к «новой знати», — Троекуровым и выходцем из ста-

ринного рода Владимиром Дубровским. Мотивировкой выступления крепостных крестьян является их сочувствие Дубровскому, решившему отомстить Троекурову за совершенное беззаконие и оскорбление отца. Со своей стороны, Владимир Дубровский вступает в союз с крестьянами по личным мотивам. Понимая, что ненависть крестьян к дворянству имеет более глубокие корни, чем его конфликт с Троекуровым, и убедившись в невозможности дальнейшего продолжения борьбы в нужном ему духе, он оставляет крестьян.

Такое построение конфликта не давало возможности глубоко раскрыть сущность крестьянского движения и суживало рамки центральных событий, связанных с действиями крестьян. Это, вероятно, было одной из причин того, что повесть осталась неоконченной⁶.

«Капитанская дочка» — произведение, в котором тема крестьянского восстания является центральной. Как установлено Ю. Г. Оксманом, проблема дворянина, соединившего свою судьбу с восставшими крепостными, связывала в известной степени «Дубровского» с замыслом «Капитанской дочки»: по первоначальному плану, героем романа должен был быть дворянин, перешедший на сторону крестьянской революции. Образ этого героя был подсказан Пушкину историческими материалами. Однако в дальнейшем ходе работы над романом первоначальный план подвергнулся изменениям. Выдвижение дворянина в качестве участника пугачевского восстания было прежде всего неприемлемым с цензурной точки зрения. Вместо Шванвича (фамилия дворянина-пугачевца) в роман были введены два героя — Гринев и Швабрин. В окончательном тексте Гринев изображен как дворянин, оставшийся до конца верным екатерининской монархии и лишь случайно попавший к Пугачеву. В рукописи же существует вариант, по которому Гринев сам едет к Пугачеву с сознательным намерением просить заступничества за любимую девушку после того, как оренбургский губернатор отнесся к рассказу о ее судьбе с циническим равнодушием⁷.

Оценка образа Гринева в исследовательской литературе последних лет в общем не являлась дискуссионной: человек «благонадежный», преданный императрице и вместе с тем по-своему честный. Честность заставляет его признать ум и достоинства вождя крестьянского восста-

ния Пугачева. Швабрин же является в романе персонажем целиком отрицательным. Его переход на сторону Пугачева вызван не идейными мотивами, а беспринципным предпочтением более сильной стороны. Моральный облик Швабрина характеризуют также его клеветнические измышления о Маше, невесте Гринева.

Весь ход повествования в «Капитанской дочке» свидетельствует о том, что Пушкин, не будучи сторонником крестьянской революции (это особенно ясно из так называемой «пропущенной» главы), вместе с тем безоговорочно осуждал систему рабства, чудовищную жестокость помещиков, методы кровавого усмирения восставших. Благодаря глубокому реалистическому подходу к исторической действительности он воспроизвел в «Капитанской дочке» существенные черты екатерининской монархии, общественные отношения и психологию ее современников⁸. Могучий размах крестьянского восстания вызвал у Пушкина восхищение*.

Если интерпретация «Истории села Горюхина», «Истории Пугачева», «Дубровского», «Капитанской дочки» в исследовательской литературе о Пушкине в основном представляется убедительной, то пересмотра требует существующая оценка «Путешествия из Москвы в Петербург» — одного из самых загадочных произведений Пушкина, в котором, как в фокусе, отразились тенденции дальнейшего развития взглядов поэта, вся сложность и противоречивость его мировоззрения. Это произведение имеет первостепенное значение и как попытка Пушкина разъяснить широким кругам русского общества свои политические позиции, попытка рассеять те ложные представления, о которых говорилось выше, и как постановка острейших вопросов современности и прежде всего крестьянского вопроса.

Над «Путешествием из Москвы в Петербург» Пушкин работал в 1833—1835 годах⁹. Он не закончил этого своего сочинения. В старых изданиях оно называлось «Мысли в дороге». В рукописи заглавия нет. Однако более чем вероятно, что Пушкин печатал бы это произведение именно под заглавием «Путешествие из Москвы в Петербург». Написанные главы «Путешествия» соответствуют главам радищевского «Путешествия», но в обрат-

* Об этом см. ниже, стр. 639 и далее.

ном порядке. Во вступлении к нему Пушкин пишет, что по дороге из Москвы в Петербург стал читать книгу Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» с последней главы. «...таким образом, — говорит Пушкин, — заставил Радищева путешествовать со мною из Москвы в Петербург».

Первая глава пушкинского «Путешествия» «Шоссе» в черновой рукописи называлась «Дорожный товарищ», то есть Пушкин сразу же заявлял, что книга Радищева заменила ему дорожного товарища. Этот заголовок, важный для нас с точки зрения отношения Пушкина к Радищеву, был, однако, отброшен, и это существенно повлияло на конструкцию всего произведения. Пушкин в черновике пишет о радищевском «Путешествии»: «Радищев написал несколько отрывков безо всякой связи и порядка. Вы можете читать их как вам угодно». Пушкин, вероятно, не думал о строгой последовательности глав: не только в черновике нет этой последовательности, но и в белой рукописи пропущена глава «Завидово».

Казалось бы, что самый жанр пушкинского произведения целиком определяется радищевским «Путешествием». Однако это не совсем так.

В пушкинском «Путешествии» реальных подробностей поездки нет (за исключением первой вводной главы). Так, в отличие от Радищева Пушкин не говорит о своих отъездах или переездах от одной станции к другой. Поездка является здесь только поводом для записи размышлений, перемежающихся цитатами, воспоминаниями, различного рода отступлениями. Эта жанровая особенность была для Пушкина чрезвычайно важна, так как позволяла свободно варьировать мотивы радищевского «Путешествия», останавливаясь на одних темах, пропуская другие, переходить неожиданно от одной мысли к другой, заставляя читателя досказывать мысль за автора и т. д. Только учитывая эту специфику пушкинского «Путешествия», можно понять его нарочитую отрывочность или появление обширного рапорта Ломоносова о его занятиях с 1751 по 1757 год (очень интересного самого по себе, но к поездке из Москвы в Петербург непосредственного отношения, разумеется, не имеющего). Все это говорит о том, что Пушкин не ставил своей задачей создавать параллельное Радищеву «Путешествие» (как это принято считать). Начав свое «Путешествие»,

он думал довести его до печати и, следовательно, не писал бы книгу, параллельную радищевскому «Путешествию» или даже наводившую мысль на какие-то соответствия. Не входила в его задачу и общая характеристика Радищева, которую он впоследствии дал в отдельной статье «Александр Радищев» *.

Написанные Пушкиным главы (не только в черновой, но и в белой рукописи) исключительно злободневны по своему содержанию. Поэт говорит о крепостном праве и положении крестьянства, о политических и экономических изменениях, происшедших в России, о независимости и чести писателя, о сословности, о покровительстве и меценатстве, о цензуре и свободе книгопечатания, о западноевропейском буржуазном строе. Уже из этого краткого перечня можно заключить, что перед нами попытка поставить в публицистической форме самые важные проблемы русской действительности 30-х годов. Эта точка зрения укрепляется при изучении творческой истории произведения.

Вокруг пушкинского «Путешествия» почти столетие не умолкают горячие споры. Одни исследователи считали, что Пушкин в этом сочинении сочувствует Радищеву, но старается «перехитрить» цензуру; другие же пытались доказать, что Пушкин выступает здесь открытым противником Радищева и никаким эзоповским языком вообще не пользуется¹⁰.

Как нам представляется, в самом подходе к изучению «Путешествия» допускались существенные ошибки. Нельзя согласиться с тем, что главной целью Пушкина в его «Путешествии» была полемика с Радищевым; такое заключение, как мы видим, не вытекает из пушкинского произведения — оно не является преднамеренным «ответом» Радищеву. Не учитывалось также, что Пушкин ведет свое повествование не от своего имени. Наконец не учитывалось в достаточной степени, что «Путешествие» не только не является законченным произведением, но и написанные главы не отделаны. Поэтому замысел Пушкина может быть раскрыт с наибольшей полнотой в его динамике, то есть путем изучения процесса

* Правда, как уже говорилось, в черновике главы «Шоссе» у Пушкина возникла мысль дать характеристику Радищева, но была им отброшена.

создания «Путешествия», на основании сохранившихся рукописей и использованных Пушкиным материалов*.

Для наиболее полного понимания пушкинского «Путешествия» существенно следующее обстоятельство. Работая над этим произведением, Пушкин внимательно изучал тот самый экземпляр радищевского «Путешествия из Петербурга в Москву», который был в тайной канцелярии. На этом экземпляре имеется надпись: «Экземпляр, бывший в тайной канцелярии, заплачено двести рублей. А. Пушкин»¹¹. На полях книги и кое-где в тексте красным карандашом подчеркнуты все те места, на которые Екатерина указала в своих известных замечаниях. Пометы скорее всего сделаны самой Екатериной или же с точностью скопированы для уголовной палаты. Сопоставление помет Екатерины с теми местами пушкинского «Путешествия», где цитируется Радищев, показывают, что Пушкин в ряде случаев вступает в скрытую полемику с Екатериной.

Так, например, на полях страницы 288 «Путешествия» Радищева отмечены крестиками и подчеркнуты слова: «...власть со свободой сочетать должно на взаимную пользу». По поводу этих слов Екатерина в своих замечаниях на «Путешествие» писала: «Сие думать можно, что целит на французский развратный нынешний пример. Сие тем более вероятно становится, что сочинитель везде ищет случай придаться к царю и власти». Пушкин в главе «Этикет» пишет: «Власть и свободу сочетать должно на взаимную пользу. Истина неоспоримая».

На странице 249 Екатериной отмечено место, где Радищев говорит: «...свобода сельских жителей обидит, как то говорят, право собственности. А все те, кто бы мог свободы поборствовать, все величие отчиники, и свободы не от их совета ожидать должно, но от самой тяжести порабощения». В замечаниях по поводу этих слов Екатерина пишет, что Радищев возлагает надежду на бунт мужиков. Пушкин, приведя из радищевского «Путешествия» отрывок, который дал повод Екатерине для этого заключения, говорит: «Следует картина, ужас-

* В составе пушкинского архива, в настоящее время целиком воссоединенного в Рукописном отделении Института русской литературы (Пушкинский Дом) АН СССР, имеется беловая рукопись «Путешествия», писарская копия, правленная Пушкиным, и черновики, содержащие большое количество вариантов.

ная тем, что она правдоподобна. Не стану теряться вслед за Радищевым в его надутых, но искренних мечтаниях... с которыми на сей раз соглашаюсь поневоле...»

При изучении пушкинского «Путешествия» необходимо также принять во внимание, что отрицательные формулировки, которыми герой пушкинского «Путешествия из Москвы в Петербург» пользовался при характеристике Радищева, являются заимствованными и ему не принадлежат. Это — формулировки Екатерины, с замечаниями которой Пушкин был несомненно знаком (повидимому, по материалам архива Воронцова в Одессе), формулировки из официального постановления по делу Радищева и, наряду с этим, из манифеста Николая I 1826 года. Приведем несколько примеров. Путешественник Пушкина говорит о произведении Радищева: «Желчью напитанное перо» — у Екатерины: «желчи нетерпение разлилось». Слова «полуистина», «полупросвещение» ведут к формулировкам у Екатерины: «полумудрец», и в манифесте: «полупознание». Далее формулировка о «дерзких мечтаниях» почти дословно взята из манифеста («дерзостные мечтания»). В пушкинском черновике имеется и такая (зачеркнутая впоследствии) характеристика Радищева: «Он хуже Пугачева». Эти слова Екатерины были записаны Храповицким (с дневником Храповицкого Пушкин также был знаком: выписка из этого дневника приложена к статье «Александр Радищев»). Все эти ходячие официозные формулы, конечно, не отражали взглядов самого Пушкина. Эти формулы были введены в «Путешествие» для усыпления бдительности цензуры и характеризуют образ мышления героя пушкинского «Путешествия из Москвы в Петербург»¹².

Самый факт обращения Пушкина в 30-х годах к наследию Радищева, при всех разногласиях поэта с великим революционером, должен быть поставлен в прямую связь с общими тенденциями демократизации пушкинского творчества — с разработкой темы народных мятежей и восстаний.

Изучение соотношений взглядов Пушкина с взглядами Радищева во всей полноте представляет собой тему отдельной работы¹³. Следует, однако, подчеркнуть, что иное, чем у Радищева, отношение к проблеме крестьянской революции (об этом ниже) не ослабляло

в сознании Пушкина уверенности в том, что он является преемником великих традиций Радищева, обличителя деспотизма и крепостничества, друга народа.

Несомненно, что, работая в 1833—1835 годах над своим «Путешествием», а в 1836 году пытаясь провести через цензуру статью «Александр Радищев», Пушкин одной из своих задач ставил воскрешение в памяти читателей этого запрещенного в то время имени. Но изучение текста пушкинского «Путешествия» показывает, что его замысел этим не ограничивается. *Перед нами опыт политической декларации* Пушкина 30-х годов по острейшим вопросам современности.

Осуществление этого замысла было чрезвычайно сложным. Автографы «Путешествия» отражают мучительный творческий процесс. Ни одна рукопись Пушкина не содержит столько противоречивых, даже взаимоисключающих вариантов одних и тех же формулировок, столько оговорок и всевозможных ухищрений с целью обойти цензуру.

Весьма важным является то, что в пушкинском «Путешествии» образ путешественника не тождествен Пушкину.

Пушкинский путешественник некоторыми своими чертами близок к Ивану Петровичу Белкину. Это — в полную противоположность Пушкину — смиренный домосед, 15 лет не пускавшийся в путь и вообще не склонный к переездам (в черновике он признается в своей изнеженности), человек, любящий мирно пофилософствовать. Он, например, по-обывательски рассуждает о преимуществах скучной книги для путешественника или для тюремного заключенного и радуется тому, что вместо холодной телятины взял с собой книгу Радищева¹⁴. Возможно, что самый замысел «Путешествия» возник у Пушкина в 1830 году, в процессе создания «Повестей Белкина». В этом нас убеждают следующие признания рассказчика в «Станционном смотрителе»: «Любопытный запас путевых моих наблюдений надеюсь издать в непродолжительном времени». И в рукописи пушкинского «Путешествия» мы находим некоторые намеки на специфический облик путешественника, который помнит еще екатерининские времена. Все это подтверждает, что Пушкин, конечно, не печатал бы «Путешествие» от своего имени и не отождествлял бы себя полностью с ге-

роем этого произведения — путешественником. Созданный им образ путешественника давал простор для самых разных суждений. Среди них были и такие, которые совершенно не соответствовали пушкинским взглядам и, продиктованные цензурными соображениями, отражали иногда самые ходовые, заимствованные из различных источников мысли. Но вместе с тем в «Путешествии» сохранялся и второй план, пользуясь которым, Пушкин высказывал и свое собственное мнение по важнейшим вопросам. Подлинный автор пушкинского «Путешествия», конечно, стал бы известен читателю (как стал известен и автор «Повестей Белкина», несмотря на их анонимность). Поэтому наряду с чуждым Пушкину голосом «Путешественника» здесь должен был звучать и другой голос — голос самого Пушкина. Отсюда та противоречивость суждений, которая изумляла исследователей этого произведения и которая была вызвана особенностями замысла. И все же основная тенденция произведения — попытка создать нечто подобное политической декларации — выступает здесь со всей очевидностью.

Глава «Шоссе» является вступительной. В ней наметен тот образ героя-путешественника, о котором мы говорили выше. Уже здесь имеются рассуждения на политические темы, вложенные в уста смиренного путешественника-обывателя. В черновом тексте после размышлений о состоянии шоссежных дорог сказано: «...не могу не заметить, что со времен восшествия на престол Романовых... правительство у нас всегда впереди на поприще образованности и просвещения. Народ следует за ним всегда лениво, а иногда и неохотно». Мысль о том, что «правительство всегда впереди на поприще образованности и просвещения», была распространенной в публицистике 20—30-х годов. В нее вкладывалось различное содержание. Если, например, у М. П. Погодина она звучала как апология самодержавия, то Пушкин использовал ее иронически, для обличения дворянского общества, равнодушного к судьбам своей страны, ее прогрессу и просвещению (именно так и раскрывает он эту мысль в позднейшем письме Чаадаеву). В черновиках «Путешествия из Москвы в Петербург» эта мысль дана в различных вариантах. Слова воображаемого путешественника о том, что в России правительство «впереди на поприще образованности», сначала предваряются словами:

«Я начал записки свои не для того, чтоб льстить властям, товарищ, избранный мной (то есть Радищев. — Б. М.), худой внушитель ласкательства, но не могу не заметить...» Однако для выступающего в этой главе тишайшего домоседа-путешественника слова о «лести властям» как-то неожиданны: поэтому Пушкин их вычеркивает. В этой же главе фразу о доме Романовых, находившихся якобы «впереди на поприще просвещения», Пушкин в одном из вариантов уточнял: «... от Михаила Федоровича до Николая I». Казалось бы, что эти слова рассчитаны на то, чтобы уверить цензуру в политической «надежности» путешественника. Но в черновике далее имеется такая расшифровка данного утверждения, которая сразу же обнаруживает совсем противоположный смысл. После слов, из которых следует, что просвещение в народе распространяется слабо, в черновике написано: «Вот что и составляет силу нашего самодержавия. Не худо было иным европейским государствам понять эту простую истину. Бурбоны не были бы выгнаны вилами и каменьями, и английская аристократия не принуждена была бы уступить радикализму». Мысль здесь такова: распространение просвещения приводит к революционизированию народа. Поэтому Пушкин в конце концов по цензурным соображениям совсем убирает и слова о Николае I и фразу о связи народного просвещения с политическим движением.

Существенное значение для характеристики мировоззрения Пушкина имеет следующая глава «Путешествия» — «Москва». Программа этой главы гласит:

«Что была Москва? Мнение Екатерины. Что Москва теперь? Отчего сие происходит? Чем Москва еще держится. Сравнение Москвы с боярством. Что из нее будет? Литература. Московский университет. «Горе от ума». Намеченная программа не вполне выдержана Пушкиным, однако глава в целом представляет большой интерес. Характеристика Москвы вначале дается как бы с точки зрения все того же путешественника-домоседа, который, «покидая смиренную Москву и готовясь увидеть блестящий Петербург... заранее встревожен при мысли переменить... тихий образ жизни на вихрь и шум...»

Тема Москвы, начиная со второй половины 20-х годов, приобрела особый политический характер. Москва тревожила правительство Николая I своими новыми

веяниями и свободомыслием в большей степени, чем Петербург. В составленном Бенкендорфом для царя «Кратком обзоре общественного мнения за 1827 год» говорилось: «Главное ядро якобинства находится в Москве»¹⁵.

Говоря о Москве, Пушкин все время имеет в виду свободолюбивые традиции Москвы, фондирующей и протестующей против деспотизма. Чтобы завуалировать главную мысль, описание Москвы он перебивает характеристикой и картинами быта, но основную идейную тенденцию он все же проводит до конца, противопоставляя независимую Москву аристократическому, «чопорному Петербургу». Если выделить места, на которые опирается политическая тенденция главы, то ее общая направленность становится очевидной.

«Москва! Москва! — восклицает Радищев на последней странице своей книги и бросает желчью папиашное перо, как будто мрачные картины его воображения рассеялись при взгляде на золотые маковки Москвы белокаменной».

«Некогда в Москве пребывало богатое неслужащее боярство, вельможи, оставившие двор, люди независимые...».

«Невинные странности москвичей были признаком их независимости».

Пушкин пишет далее об упадке Москвы как следствии упадка русского дворянства, и здесь у него звучат элегические ноты. Но вслед за тем он указывает, что «Москва, утратившая свой блеск аристократический, процветает в других отношениях: промышленность, сильно покровительствуемая, в ней оживилась и развилась с необыкновенною силою. Купечество богатеет и начинает садиться в палатах, покидаемых дворянством. С другой стороны, просвещение любит город, где Шувалов основал университет по предначертанию Ломоносова».

Мысли, высказанные в главе «Москва», во многом близки сравнительной характеристике Москвы и Петербурга, написанной Гоголем (она была включена в «Петербургские записки 1836 года», напечатанные анонимно в вышедшем после смерти Пушкина VI томе «Современника»). Здесь у Гоголя наряду с легкой фельетонной обрисовкой различия между Москвой и Петербургом можно

отметить и принципиальные — в плане пушкинской главы «Москва» — моменты. Гоголь подчеркивает народность Москвы, ее простоту, в противоположность светскому Петербургу, где и в журналах толкуют о благонамеренности. Среди беглых определений Москвы и Петербурга 30-х годов имеется и следующая мысль: «Москва нужна для России; для Петербурга нужна Россия». Официальность светского Петербурга, чуждого общественным интересам—эта тема развивается и в других замечаниях Гоголя¹⁶.

В главе «Ломоносов» Пушкин дает высокую оценку этому замечательному деятелю русской национальной культуры. Он называет Ломоносова «великим человеком», «самобытным сподвижником просвещения», который не только «создал первый университет», но и «сам был первым нашим университетом». Приведенный здесь же рапорт Ломоносова о его «упражнениях с 1751 года по 1757» раскрывает всеобъемлющую гениальность русского ученого. Но особую актуальность имела для Пушкина тема независимости поэта, и ее он в главе «Ломоносов» трактует с подчеркнутой заинтересованностью.

Стремясь защитить свою позицию независимого поэта, Пушкин как бы снова отвергал те обвинения по своему адресу, на которые ранее откликнулся в стихотворении «Друзьям». Развивая тему о независимости и принципиальности писателя, Пушкин замечает, что Ломоносов «не дорожил ни покровительством своих меценатов, ни своим благосостоянием, когда дело шло о его чести или о торжестве его любимых идей». Пушкин приводит слова Ломоносова Шувалову: «Я, ваше высокопревосходительство, не только у вельмож, но ниже у господ моего бога дураком быть не хочу». Эти же слова Ломоносова Пушкин неоднократно повторяет в применении к самому себе в дневнике и в своих письмах.

Позиция истинной политической независимости обосновывается здесь Пушкиным в противовес беспринципности блока Полевого и Булгарина. Эти имена не названы, но они легко угадываются в словах: «Нынче писатель, краснеющий при одной мысли посвятить книгу свою человеку, который выше его двумя или тремя чинами, не стыдится публично жать руку журналисту, ошельманованному в общем мнении, но который может повредить продаже книги или хвалебным объявлением заманить покупателей Ныне последний из писак, готовый на вся-

кую приватную подлость, громко проповедует независимость и пишет безыменные пасквили на людей, перед которыми расстилается в их кабинете». В черновике главы «Ломоносов» к словам «проповедует независимость» Пушкин сделал от имени путешественника примечание, направленное против Полевого, написавшего памфлет в связи с появлением стихотворения Пушкина «К вельможе». Примечание гласит: «Все журналы пришли в благородное бешенство, восстали против стих<отворца>, * который (о верх унижения!) в ответ на приглаш<ения> кн<язя>+> <извинялся в стихах>, что не может к нему приехать и обещался к нему приехать на дачу! Сие несч<астное> послание было предано всенародно проклятию, и с той поры, говорит один журналист, слава +>> упала совершенно!»

Следует отметить, что Белинский в отзыве об XI томе Посмертного собрания сочинений Пушкина указал, что среди вновь опубликованных пушкинских статей «особенно интересна превосходная статья «Ломоносов»¹⁷.

В главе «О цензуре» Пушкин, несмотря на оговорки, исходит из основных требований, которые выражены им же в его двух посланиях к цензору (1822 и 1824 года). В черновом тексте главы о цензуре имеются прямые совпадения с этими посланиями. Так, например, в главе о цензуре мы читаем: «Цензор есть важное лицо в государстве, сан его имеет нечто священное. Место сие должен занимать гражданин честный и нравственный, известный уже своим умом и познаниями...» В пушкинском же послании цензору 1822 года этим словам соответствует:

...цензор гражданин, и сан его священный;
Он должен ум иметь прямой и просвещенный.

Основная идея этой главы — защита свободы мысли, хотя бы в пределах пресловутой «законности». Необходимо учитывать, что в обстановке идеологического террора 30-х годов даже соблюдение цензурного устава принесло бы некоторое облегчение литературе: цензоры в своем стремлении препятствовать малейшему проблеску самостоятельной мысли, хотя бы самой невинной, превышали и без того суровые требования устава.

* Вариант: осыпали ругательствами Пушкина.

В этой связи и следует рассматривать имеющееся в черновом тексте замечание. «Несостоятельность Закона столь же вредит правительству... как несостоятельность денежного обязательства».

Вообще в черновике главы о цензуре Пушкин чаще, чем в других главах, теряет спокойный тон, который он всемерно старался выдержать в «Путешествии». Перед нами за литературным образом смиренного путешественника, который глубокомысленно замечает, что «безнравственные книги суть те... кои целию имеют распаление чувственности приапическими изображениями», то и дело возникает сам Пушкин с его остротой, непримиримой и уже ничем не прикрытой ненавистью к николаевской цензуре. В том месте рукописи, где говорится о роли и задачах цензуры как контролирующего органа, имеется такой вариант: «Слишком было бы жестоко подвергать двойной и тройной ответственности писателя... под предлогом злоумышления, бог ведает какого». Далее начата фраза: «Негодование писателя было бы справедливо». Фраза не закончена, но затем следует: «...цензора не должно запугивать, придираясь к нему за мелочи, неумышленно пропущенные им, и делать из него уже не стража государственного благоденствия, а грубого жандарма, поставленного у веревки на перекрестке, с тем чтоб не пропускать народа». В белой рукописи все это, конечно, отсутствует. Автобиографичность этих слов была слишком ясна: Пушкин подвергался «тройной ответственности», тройной цензуре — царя, шефа жандармов и цензуре обыкновенной.

Особое место занимает в этой главе обоснование силы печатного слова: «Что значит аристокрация породы и богатства в сравнении с аристокрацией пишущих талантов? Никакое богатство не может перекупить влияние обнародованной мысли. Никакая мысль, никакое правление не может устоять противу всеразрушительного действия типографического снаряда».

Мы остановились на некоторых главах «Путешествия», интересных с точки зрения изучения литературно-политических позиций Пушкина 30-х годов. Однако первостепенный интерес представляют главы, материал которых весьма существен для выяснения одного из спорных вопросов пушкиноведения — об отношении Пушкина в 30-х годах к проблеме крестьянской революции. Проблемы, связанные с положением русского крестьянства, с кре-

постным правом, с протестом крепостных, являются центральными в пушкинском «Путешествии». Им посвящены целиком пять глав этого произведения: «Браки», «Русская изба», «Рекрутство», «Медное», «Шлюзы».

В начале главы «Русская изба», которая своим заголовком претендует, казалось бы, на этнографическое описание избы, Пушкин приводит отрывок из радищевского «Путешествия», рекомендуя его словами: «Замечательно описание русской избы». В этом отрывке говорится и о внешнем виде избы, лишенной света даже в полдень, заросшей сажей и, вследствие необходимости держать здесь же скот, настолько лишенной воздуха, что в ней «горящая свеча как будто в тумане или за завесою кажется». В этом же отрывке повествуется о голодном существовании крестьянина, который даже «пустые шти» не всякий день имеет, о его убогой утвари («деревянная чашка и кружки, тарелками называемые»), о жалком подобии одежды и обуви¹⁸.

Еще более острым является второй отрывок из Радищева, приведенный Пушкиным в главе «Рекрутство». Радищев описывает сцену прощания старой крестьянки с единственным сыном, отданным в рекруты. Она обречена теперь скитаться по миру. Здесь же Радищев рисует образ крепостного, который предпочел солдатчину — судьбе раба. «Трудна солдатская жизнь, но лучше петли», — так рассуждал этот крестьянин, сравнивая с петлей свою жизнь у помещика и признаваясь, что лучше пойти в солдаты, чем умереть у помещика, как это часто бывает, «под батожем, под кошками, в кандалах, в погребе, нагу, босу, алчущу, жаждущу, при всегдашнем поругании...»¹⁹

И здесь, так же как и в предыдущем отрывке, частная тема перерастает в широкое обобщение судьбы крепостного крестьянина.

Третий отрывок, приведенный Пушкиным в главе «Медное», посвящен продаже крепостных с публичного торга. Прочитав это место, Пушкин отмечает правдоподобие воспроизведенной далее Радищевым «ужасной картины» и заключает: «Не стану теряться вслед за Радищевым в его надутых, но искренних мечтаниях... с которыми на сей раз соглашаюсь поневоле...» Что же это за мечтания? Пушкин рассчитывает здесь на знание произведения Радищева. В конце главы «Медное» Радищев

говорит, что освобождения крестьян следует ожидать не от помещиков, а «от самой тяжести порабощения»²⁰.

Наконец четвертый отрывок из Радищева, приведенный в главе «Шлюзы», рисует зяядлого крепостника-помещика, который стал «знаменитым земледельцем», привел свое имение в цветущее состояние путем беспощадного ограбления и выжимания всех соков из своих крестьян, низведя их до положения бессловесных и безвольных «орудий». Пушкин вспоминает по аналогии своего знакомого помещика, такого же, как у Радищева, тирана «по системе и убеждению». Примечателен контекст, в котором приводится рассказ об этом помещике. Пушкин говорит, что знал его «лет пятнадцать тому назад», то есть приблизительно в 1819 году. «Молодой мой образ мыслей и пылкость тогдашних чувствований отвратили меня от него...» — признается Пушкин. Эти биографические детали в совокупности с характеристикой знакомого Пушкину помещика, который лишил своих крестьян всякой собственности, заставил их пахать «барскою сохой», привел их в «жестокое положение», непосредственно связывают данную главу Пушкинского «Путешествия» с его же стихотворением «Деревня», написанным в 1819 году и содержащем сходную картину положения крестьянина. Тем самым Пушкин как бы подтверждал неизменность своего отрицательного отношения к крепостному праву, отношения, выраженного им в пору «молодого образа мыслей»²¹.

Мы можем, следовательно, заключить, что функция цитат из Радищева о крестьянстве, введенных Пушкиным в свое «Путешествие», состояла не только в резком протесте против крепостничества, но и в выражении солидарности с радищевскими обличениями рабства. В итоге в сознании читателя должна была сложиться картина абсолютно невыносимого, противоречащего самым элементарным требованиям человечности отношения помещиков к крепостным. Общее впечатление беспросветности жизни крестьянина дополняется главой «Браки», в которой дана характеристика «самовластия господ», установивших для крепостных систему «браков поневоле». Здесь Пушкин аргументирует не только доводами Радищева, но и ссылкой на русские народные свадебные песни, которые поэтому «унылы, как вой похоронный»²². И как прямой вывод из всего, что сказано в пушкинском «Путе-

шествии» о крепостном крестьянстве, следует в главе «Шлюзы» признание законности мести крестьян жестоким помещикам. После описаний жестокостей крепостника-тирана, о котором мы упоминали выше, Пушкин саркастически заметил о нем: «Мучитель имел виды филантропические. Приучив своих крестьян к нужде, терпению и труду, он думал постепенно их обогатить... Судьба не позволила ему исполнить его предначертания. Он был убит своими крестьянами во время пожара».

Но наряду с этим ясно и отчетливо выраженным отношением к крепостному праву и помещикам-крепостникам в «Путешествии» имеются суждения половинчатые, сентенции о том, что «судьба крестьянина улучшается с каждым днем», что лучшие и прочнейшие изменения происходят не от «потрясений», а от «одного улучшения нравов» и т. д. Эти сентенции и назидания принадлежат путешественнику. Стремясь ввести в заблуждение цензуру, Пушкин вслед за какой-либо цитатой из Радищева дает алогичные, явно противоречащие истине и здравому смыслу размышления путешественника. Например, после отрывка из Радищева в главе «Русская изба» упоминается рисунок русской избы XVII века Мейерберга, напечатанный в радищевском «Путешествии», и далее следует утверждение: «Ничто так не похоже на русскую деревню в 1662 году, как русская деревня в 1833 году». Иначе говоря, ничего не изменилось в деревне по сравнению не только с временем Радищева, но даже с XVII веком! Но далее вступает в свои права глубоко-мыслие воображаемого путешественника: он оговаривается, что с тех пор все же произошли улучшения, особенно «на больших дорогах». В чем улучшения заключаются? В каждой избе появилась труба, стекла заменили натянутый пузырь, стало «более чистоты, удобства, того, что англичане называют comfort». По сравнению с процитированным в этой же главе отрывком из Радищева эти вялые размышления путешественника явно рассчитаны на то, чтобы вызвать у читателя по меньшей мере ироническую улыбку, так же как и фразы о том, что налагаемые на крестьянина повинности «вообще не тягостны», «барщина определена законом», «оброк не разорителен». А при сопоставлении положения русского крестьянина с якобы худшим положением рабочих за рубежом в числе доказательств лучшей материальной

обеспеченности русского крестьянина отмечено, что он умывается по нескольку раз в день. После этих слов и следует заключение: «Судьба крестьянина улучшится со дня на день по мере распространения просвещения...»

Интересно, что в черновом тексте главы «Русская изба» сравнительная характеристика положения русского и французского крестьянина прямо противоположна тому, что написано в окончательном тексте. В окончательном тексте сказано, что судьба русского крестьянина счастливей судьбы французского земледельца, в черновике же мы читаем: «...французский земледелец ныне счастливее русского крестьянина». В окончательном варианте об оброке сказано, что он «не разорителен», в черновике же доказывается обратное: «...строки Радищева навели на меня уныние. Я думал о судьбе русского крестьянина». И далее цитируются строки из басни Крылова «Крестьянин и смерть»:

К тому ж подушное, боярщина, оброк —
И выдался ль когда на свете
Хотя один мне радостный денек?..

Перейдем к самому острому и дискуссионному вопросу: в какой степени отражают взгляды самого Пушкина то место «Путешествия», в котором говорится о путях изменения положения крестьянина?

Напомним это место, вызвавшее столько споров в пушкиноведении: «Благосостояние крестьян тесно связано с благосостоянием помещиков; это очевидно для всякого. Конечно, должны еще произойти великие перемены; но не должно торопить времени и без того уже довольно деятельного. Лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от одного улучшения нравов, без насильственных потрясений политических, страшных для человечества».

Разберем это место.

Первую из высказанных здесь мыслей о зависимости благосостояния крестьян от благосостояния помещиков Пушкин высказывал неоднократно. Он считал, что разорение помещика ведет к еще большей эксплуатации крестьян, к позорной распродаже крестьян с торга и т. д. Иллюстрации к этой мысли Пушкина можно привести и из его писем, из «Истории села Горюхина», из того же «Путешествия». Эта его мысль, таким образом, совершенно ясна,

Слова о том, что «должны еще произойти великие перемены», выражают глубокое убеждение Пушкина в необходимости и неизбежности уничтожения крепостничества. Доказательство этому он видел в самом ходе событий «деятельного времени». «Великие перемены» в словоупотреблении Пушкина, да и всей передовой публицистики того времени — русской и зарубежной — это не частичные улучшения существующего положения, а решительный поворот.

Что же касается отрицания «насильственных потрясений политических», то это положение требует конкретного рассмотрения. Легче всего было бы объяснить это отрицание лишь данью цензуре, а Пушкина представить сторонником крестьянской революции, как это делается до сих пор в ряде работ о Пушкине.

Однако утверждать, что рассуждение Пушкина о том, что изменение положения крестьянства должно произойти без «насильственных потрясений», является незначимым и случайным, нельзя уже потому, что сам поэт считал его весьма существенным. Это рассуждение в разных вариантах встречается несколько раз в его произведениях. Сначала мы находим фразу: «Не приведи бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный» — в главе, где изображено крестьянское восстание в имении Гринсва (в тексте этой главы Гринев еще называется Буланиным). Эта глава не была включена в окончательную редакцию «Капитанской дочки», но фраза о русском бунте вошла в главу XIII. Слово «бессмысленный» означало — не приносивший реальных изменений прежде всего в положении самого народа (с этим связана фраза в первом варианте этой главы: «Начальники отдельных отрядов, посланных в погоню за Пугачевым, тогда уже бегущим к Астрахани, самовластно наказывали виноватых и безвинных», а также картина раскаяния крестьян после ликвидации бунта в имении Гринева, — картина, столь характерная не только для XVIII века, но и для крестьянских бунтов даже в периоды более поздние *).

* Как известно, формулу Пушкина использовал в 1899 году В. И. Ленин, когда он, отмечая наличие революционных элементов в крестьянстве, писал: «Мы нисколько не преувеличиваем силы этих элементов, не забываем политической неразвитости и темноты крестьян, нисколько не стираем разницы между «русским бунтом, бессмысленным и беспощадным», и революционной борьбой...»

По существу близко этому рассуждению Пушкина и приведенное выше место из «Путешествия из Москвы в Петербург». Необходимо лишь иметь в виду, что мотивировка отрицательного отношения к «насильственным потрясениям»: *«страшные для человечества»* последствия означает, в пушкинском понимании, — не совместимые с гуманизмом * (в этом смысле в «Путешествии», в главе «Шлюзы», о жестокостях помещика-тирана говорится как о «презрении к человечеству»).

Рассматриваемые нами суждения Пушкина отразились и в VI главе «Капитанской дочки», озаглавленной «Пугачевщина». В ней мы снова встречаемся с утверждением: «...лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от улучшения нравов, без всяких насильственных потрясений». Однако контекст, в котором находятся эти слова, таков, что они звучат как сочувствие восставшим. Следуют они после описания жесточайшей пытки комендантом Белогорской крепости башкирца, семидесятилетнего старика, от которого хотели добиться сведений о Пугачеве. Избиение старика плетью описано в повести с глубоким сочувствием к нему:

«Лицо несчастного изобразило беспокойство. Он оглядывался на все стороны, как зверок, пойманный детьми. Когда ж один из инвалидов взял его руки и, положив их себе около шеи, поднял старика на свои плечи, а Юлай взял плеть и замахнулся, — тогда башкирец застонал слабым, умоляющим голосом и, кивая головою, открыл рот, в котором вместо языка шевелился короткий обрубок».

Из описания этой сцены и следует вывод о том, что «лучшие и прочнейшие изменения» те, которые происходят «от улучшения нравов, без насильственных потрясений». Сцена расправы с башкирцем перекликается с историей умирения восставших яицких казаков, предпринятого генерал-майором Траубенбергом, следствием чего было «варварское убиение Траубенберга, своевольная пере-

(В. И. Ленин, Сочинения, т. 4, стр. 223). Самый факт цитирования пушкинской формулы Лениным говорит о том, что она свидетельствует об определенных, действительно существовавших явлениях в крестьянском движении.

* Термин «гуманизм» в пушкинском понимании, как известно, весьма далекий от лживой и пустой сентиментально-филантропической трактовки его, означал прежде всего глубокое и действенное сочувствие народу, его страданиям и горестям.

мена в управлении, и, наконец, усмирение бунта картечью и жестокими наказаниями». Иначе говоря, в конечном счете стихийный крестьянский бунт не приводил к облегчению положения народа. Именно это соображение было для Пушкина *основным* при оценке результатов крестьянских восстаний, хотя он осуждал также «варварство», «жестокости» в ходе расправы восставших с помещиками (об этом свидетельствует и приложенный к «Истории Пугачева» «весьма неполный», по словам Пушкина, список дворян «и прочих званий людей», убитых Пугачевым и его товарищами; о «жестокостях» с осуждением говорил Пушкин и в письмах 30-х годов, касаясь крестьянских волнений).

Было бы грубой ошибкой считать, что рассмотренные выше положения Пушкина дают хотя бы в какой-то степени основания сблизать его взгляды с взглядами либералов-постепеновцев. Во-первых, Пушкин, в полную противоположность позднейшим либералам признавал сопротивление крестьян закономерным, вызванным объективными причинами — их угнетением и жестокостью помещиков; во-вторых, он сочувствовал народу и горячо желал его освобождения, восхищался его самоотверженностью, размахом его протеста; в-третьих, он отрицал не восстание и бунт вообще, а «бунт *бесмысленный*». Далее распространение просвещения в пушкинском смысле — это не пошлое культуртрегерство; самый термин «просвещение» Пушкин трактовал в декабристском духе, в политическом аспекте, как идеологическую подготовку «политических перемен». Не случайно в том же «Путешествии» Пушкин дает высокую оценку общественной роли «аристократии пишущих талантов», «типографическому снаряду». И, наконец, можно ли сомнения, противоречия, поиски Пушкина, возникшие в атмосфере подавленной реакции России 30-х годов, в период отсутствия революционной ситуации, рассматривать независимо от этих исторических условий? Тщетно искать в его произведениях отчетливого, ясного ответа на вопрос о путях коренного переустройства существовавшего строя, тщетно потому, что сама действительность тогда еще не подсказывала этих путей. Но Пушкин не переставал размышлять о них, изучать опыт революционных движений России и других стран мира, сопоставлять опыт прошлого с современной жизнью.

Пушкин не только выражает сочувствие народу, он часто отражает точку зрения народа на события текущей жизни. Это видно даже в пушкинских дневниках, в которых встречаются записи о том, что Кочубей и Нессельроде, получившие по двести тысяч на прокормление голодных крестьян, оставят деньги у себя, что дворянство и купечество устраивают балы по случаю совершеннолетия наследника, в то время как народ умирает от голода, что «церковь и при ней школа полезней александровской колонны с орлом и длинной надписью, которую безграмотный мужик наш долго еще не разберет» и т. д. Новая точка зрения обусловила самые сильные страницы пушкинских произведений, освещенных новыми критериями, новым эстетическим идеалом, восхищением народной героикой*.

На какие же социальные силы, с точки зрения Пушкина, можно было возлагать надежды как на руководящие в борьбе за прогрессивное развитие страны?

Естественно, что Пушкин много размышляет о роли дворянства в современных условиях. Дворянами были не только декабристы; преимущественно из этого же класса выдвигались деятели освободительного движения и после крушения декабризма. Рассуждения Пушкина о дворянстве отчетливо показывают, что он противопоставлял «просвещенное дворянство» — дворянству, которое было оплотом самодержавно-крепостнической системы. Его концепция «просвещенного дворянства» заключается, если ее сформулировать кратко, в следующем: «Просвещенное дворянство» должно быть представителем и защитником народных интересов перед лицом властей. Политическая независимость «просвещенного дворянства» гарантируется тем, что оно — «потомственное сословие», «новая» же аристократия, которой окружает себя деспотизм, — это наемники, выскочки, они представляют собою оплот тирании.

Представления Пушкина о роли родовитого «просвещенного дворянства» были иллюзорными. Элегический тон, в котором Пушкин пишет о падении родовитого дворянства, сожаления по поводу вызолоченных, но приходящих в ветхость гербов, по поводу дряхлеющих барских

* См. далее, в разделе «Новый эстетический идеал».

домов, которые отдаются внаймы или продаются, — все это говорит о генсалоогических предрассудках поэта.

Переходя же от отвлеченных построений роли родовитого дворянства к историческим фактам, Пушкин сам себя опровергал. Так, в заметках «О дворянстве» он отмечал «трусость высшего дворянства», назвал оппозицию Долгоруких нелепой, «вроде оппозиции Панина».

Два момента делают рассуждения Пушкина о дворянстве по существу резко враждебным этому классу в целом. Пушкин защищает права наследственного (и притом «просвещенного») дворянства *только* по отношению к самодержавию, видя в этих правах гарантию для политической оппозиции. Кроме того, он не считает, что само по себе дворянское звание должно давать исключительные привилегии в какой-либо области. Утверждая, что выходцы из старинных родов вправе гордиться своим древним происхождением, он вместе с тем думал, что решающими в оценке какого-либо деятеля являются его реальные заслуги перед родиной и народом: «Имена Минина и Ломоносова вдвоем перевесят, может быть, все наши старинные родословные».

Из всего написанного Пушкиным о «просвещенном дворянстве» в 30-е годы следует, что, по его мнению, «просвещенное дворянство» еще не сыграло своей исторической роли. «Кто был на площади 14 декабря? — спрашивал он и отвечал: — Одни дворяне. Сколько ж их будет при первом новом возмущении? Не знаю, а кажется, много» (Запись в дневнике 22 декабря 1834 года). Но, взвешивая трезво конечные результаты этого «возмущения», в случае даже его успешного исхода, Пушкин заключал: «Чем кончится дворянство в республиках? Аристократическим правлением. А в государствах? Рабством народа. $a = b$ » («О дворянстве»). Размышляя об общих итогах развития дворянства, Пушкин в этих заметках вынужден был признать наличие «глубокого презрения к сему званию». Подобные противоречия суждений свидетельствуют, конечно, не только о противоречиях личной мысли или о логической непоследовательности, но о том, что стройная система воззрений на дворянство не могла сложиться у Пушкина в силу необычайной сложности переходного времени 30-х годов.

После изучения истории пугачевского движения Пушкин пришел к заключению, что руководство дворянами крестьянским движением невозможно. В общих замечаниях к «Истории Пугачева» он писал: «Пугачев и его сообщники хотели сперва и дворян склонить на свою сторону, но выгоды их были слишком противоположны».

Из опыта западноевропейских революций следовало, что руководящей силой в ниспровержении старых порядков было «третье сословие» (*tiers état*). Этот вопрос разрабатывался представителями так называемой французской исторической школы и, в частности, Гизо, труды которого Пушкин высоко ценил. Суждения Пушкина о результатах революций на Западе весьма примечательны.

Как отмечалось выше, уже в стихотворении «Наполеон» отразилось изменение взгляда Пушкина на французскую революцию XVIII века по сравнению с тем, которое выражено в оде «Вольность». Нотки сочувствия некоторым завоеваниям французской революции сквозят даже в подцензурном стихотворении «К вельможе» (1830): революция характеризуется как «союз ума и фурий», но рядом — строка, звучащая в духе торжественной, высокой оды: «Свободой грозною воздвигнутый закон». Непринятие методов плебейской, якобинской расправы с аристократией совмещалось в сознании Пушкина с признанием исторической закономерности и необходимости революции 1789 года. «В крике *Les aristocrates à la lanterne**, — писал он, — один жалкий эпизод французской революции — гадкая фарса в огромной драме» («Опыт отражения некоторых нелитературных обвинений», 1830).

Бесспорно, Пушкин видел отрицательные стороны буржуазного прогресса. В «Путешествии из Москвы в Петербург» повествуется об ужасающем положении английских фабричных рабочих (глава «Русская изба»), об оборотной стороне «представительной системы правления» (то есть буржуазного парламентаризма), о колониальном угнетении и т. д. (черновики этой же главы).

И в статье «Джон Теннер» (1836) Пушкин пишет о том, что исследование «нравов и постановлений американских» приводит к выводу, что не все так хорошо в их

* Аристократов на фонарь! (франц.)

«уложении», как кажется на первый взгляд. Он перечисляет пороки американской демократии с ее «отвратительным цинизмом», жестокими предрассудками, «рабством негров посреди образованности и свободы», родословными гонениями в народе, алчностью и завистью избирателей и т. д. Из этого следует, что и американский политический строй начала XIX века не был для Пушкина решением вопроса о путях достижения действительной свободы. Но все же из этой статьи ясно, что буржуазный строй Пушкин считал более высоким этапом исторического развития. Говоря об исчезновении дикости при приближении цивилизации, Пушкин замечает: «Таков неизбежный закон». И далее он говорит о том, как пространные степи обратятся в обработанные поля, а необозримые реки, в которых гибнущие остатки древних обитателей Америки добывали себе пищу сетями и стрелами, превратятся в гавани, где задымятся пароходы («пироскафы»).

Все это было важным для Пушкина в ходе его размышлений и о путях дальнейшего развития своей страны.

Считая, что процессы исторического развития Запада не могут быть целиком перенесены в Россию ввиду своеобразия ее истории, Пушкин вместе с тем отмечал: «В России не было феодализма, и тем хуже». «Тем хуже» потому, что не было укрепления городов, не сложилась буржуазия и не появилась, следовательно, сила, способная совершить революционный переворот, который смог бы ниспровергнуть абсолютизм и уничтожить крепостное рабство.

Из всего сказанного явствует, что нет никаких оснований считать, что отношение Пушкина к буржуазным революциям и к нарождавшемуся в России капитализму было целиком отрицательным.

Пушкин предчувствовал неизбежность «великих перемен» именно вследствие разрушения старого хозяйственного строя и экономической деградации дворянства. В «Путешествии из Москвы в Петербург» он с одобрением говорит о промышленном развитии Москвы, одновременно отмечая «обеднение русского дворянства, происшедшее *частию* от раздробления имений, исчезающих с ужасной быстротою, *частию* от других причин...»

О купечестве как силе, которая могла бы оказать в то время какое-то влияние на борьбу за политическое

преобразование страны, разумеется не могло быть и речи. Оно было слишком патриархальным, политически и культурно отсталым. «Третьего сословия» (в западно-европейском смысле этого понятия) в России тогда вообще не было. Но характерно, что мысль Пушкина двигалась в направлении, которое соответствовало общему ходу исторического процесса. Ниспровержение феодальных порядков путем союза народа с образованными представителями «третьего сословия» было предметом его пристального внимания в 30-е годы. Ярчайшим свидетельством этого являются «Сцены из рыцарских времен» (1835).

Хотя пьеса эта осталась незавершенной, но сохранившиеся планы и части «Сцен» дают полное представление о замысле замечательного пушкинского произведения. В литературе о Пушкине «Сцены» долгое время не занимали подобающего места. Симптоматично, что на протяжении истории русской литературы лишь Чернышевский, со свойственной ему проницательностью, заметил, что эти «Сцены» должны быть оценены не ниже «Бориса Годунова», а может быть, и выше²³.

О глубине творческого замысла и политической остроте пьесы дает представление уже сохранившийся черновой план ее (оригинал по-французски):

«Богатый торговец сукном. Сын его (поэт) влюблен в знатную девицу. Он бежит и становится конюхом в замке отца девицы, старого рыцаря. Молодая девушка им пренебрегает. Является брат с претендентом на ее руку. Унижение молодого человека. Он выгнан братом по просьбе девушки.

Он приходит к суконщику. Гнев и увещания старого мещанина. Является брат Бертольд. Суконщик журит и его. Брата Бертольда хватают и сажают в тюрьму.

Бертольд в тюрьме занимается алхимией — он изобретает порох. Восстание крестьян, возбужденное молодым поэтом. Осада замка. Бертольд взрывает его. Рыцарь — воплощенная посредственность — убит пулей. Пьеса кончается размышлениями и появлением Фауста на хвосте дьявола (изобретение книгопечатания — своего рода артиллерии)».

Таким образом, основной идейно-тематический стержень пьесы — это борьба двух миров, феодального и буржуазного.

Раскрывая здесь антагонизм двух враждебных социальных групп — рыцарства и буржуазии, к которой примыкают и крестьяне, Пушкин показывает обреченность феодализма. Борьбу решает техника: рыцарь убит пулей, замок взрывает изобретатель пороха. Книгопечатание — «своего рода артиллерия» — заканчивает разгром старого мира.

Характеристика деградирующего рыцарства и враждебных социальных флангов введена Пушкиным в самое начало пьесы и служит фоном как бы для дальнейшего развития действия. Старый буржуа Мартын, обращаясь к своему сыну Францу, говорит:

«Тебе бы только гулять с господами, которые нас презирают да забирают в долг товары. [Презирают! А того не ведают нахалы, что старый Мартын не променяет своей лавки, где он меряет испанское сукно и никого не боится, на их голые каменные замки, где они с голоду свищут да побрякивают шпорами, придумывая, где бы им занять]».

Центральными образами пьесы являются сын торговца сукном Франц и неутомимый новатор Бертольд. Оба ищут социальной справедливости.

В начале «Сцен» Франц обрисован как «блудный сын», который стыдится своего «низкого» происхождения и хочет приблизиться к рыцарям, презираемым его отцом. Но уже вскоре отщепенство Франца раскрывается как протест против буржуазной ограниченности своей среды. Воплощением этой ограниченности является Мартын, чуждый каким бы то ни было порывам, если за ним не таятся возможности обогащения. Мартын видит предназначение своего сына, поэта Франца, лишь в продолжении торговли и мечтает только о том, чтобы под конец жизни передать ему «и счетные книги и весь дом». Ограниченность и самодовольство Мартына высмеиваются. Существо буржуазной ограниченности глубоко вскрыто Пушкиным в разговоре между Мартыном и Бертольдом, мечтавшем об открытии вечного двигателя для того, чтобы сломать все преграды «творчеству человеческому». Противопоставление двух типов мировоззрения дано Пушкиным в скупых, но полных философского смысла репликах:

«Бертольд. Золото мне не нужно, я ищу одной истины.
Мартын. А мне черт ли в истине, мне нужно золото».

Меркантильность, буржуазная ограниченность, отсутствие горизонтов, свойственные Мартыну, и вызывают у Франца, для которого «честь дороже денег», стремление покинуть свою среду. Францу чужда «низкая» профессия отца («купец, сидя за своими книгами... клянется, хитрит перед всяким покупщиком»), и он рвется в замок, ибо «рыцарь... волен, как сокол... он идет прямо и гордо, он скажет слово, ему верят...» Но, раскрывая далее образ Франца, Пушкин показывает, что и рыцарская среда с ее жестокостью и деспотизмом находится в резком противоречии с идеалами чести и справедливости. Недаром рыцари устами крестьян названы «кровопийцами», «разбойниками».

Франц в замке ведет себя независимо и гордо. Когда рыцарь грозит ему побоями, Франц, поступивший к нему конюхом, замечает: «посмотрим, кто кого», а на оскорбление отвечает организацией крестьянского восстания. И образ героя, который вначале выступает перед нами как честолюбивый отщепенец, стремящийся приблизиться к «благородным» рыцарям, наполняется богатым и сложным содержанием.

Покидая замок, Франц замечает: «Я переносил унижения, я унился в глазах моих — я сделался слугою того, кто был моим товарищем, я привык сносить детские обиды глупого, избалованного повесы... Я, который не хотел зависеть от отца, — я стал зависим от чужого... И чем все это кончилось? — боже... кровь кидается в лицо — кулаки мои сжимаются... О, я им отомщу, отомщу...» Благородство Франца оттенено его отказом от наследства в пользу подмастерья отца. Не сдаётся Франц и перед угрозой смерти после неудачи крестьянского восстания. От ответа на вопрос Клотильды: «Не правда ли, что если тебя помилуют, то уже более бунтовать не станешь?» — Франц уклоняется.

На этом развитие образа Франца обрывается, но тем не менее смысл его ясен. В лице Франца символизировано просвещенное «третье сословие», которое в союзе с крестьянством и при помощи новейшей техники наносит решительный удар феодальному миру. С этой точки зрения «Сцены из рыцарских времен» примыкают к произведениям Пушкина, посвященным теме мятежей и восстаний и роли народного движения в историческом процессе («Борис Годунов», «Дубровский», «Капитанская дочка»).

«Сцены из рыцарских времен» с необычайной ясностью показывают, как эволюционировало мировоззрение Пушкина. И феодальная и буржуазная формы угнетения человеческой индивидуальности противоречили пушкинским идеалам гуманизма и социальной справедливости. Глубокого смысла исполнен диалог Франца и Бертольда:

«Франц. Разве мещанин недостойн дышать одним воздухом с дворянином? Разве не все мы произошли от Адама?

Бертольд. Правда, правда. Но видишь, Франц, уже этому давно: Каин и Авель были тоже братья, а Каин не мог дышать одним воздухом с Авелем — и они не были равны перед богом. В первом семействе уже мы видим неравенство и зависть. [Каин рыл землю, Авель властвовал]».

Пушкин мечтал об ином общественном строе, о строе, реальные контуры которого тогда были еще неясны для него и самые размышления о которых были оборваны гибелью поэта.

«Сцены из рыцарских времен» ни в какой мере нельзя считать какой-то аллегорией, непосредственно связанной с современной Пушкину Россией; но в них несомненно нашли выражение и его интерес к роли «среднего сословия», значению недворянских слоев в общественной жизни. Понятно поэтому то внимание, с которым Пушкин относился к проникновению разночинцев в общественно-литературное движение 30-х годов. Он рассматривал это как важный признак грядущих перемен в лагере прогрессивной общественной мысли.

В «Путешествии из Москвы в Петербург» Пушкин пытался по-новому определить свою позицию в обстановке, когда «литературные аристократы» резко выступали против молодого разночинно-демократического лагеря в литературе. В черновике главы «Путешествия», озаглавленной «Ломоносов», мы читаем:

«Даже теперь наши писатели, не принадлежащие к дворянскому сословию, весьма малочисленны. Несмотря на то, их деятельность овладела всеми отраслями литературы, у нас существующими. Это есть важный признак и непременно будет иметь важные последствия. Писатели-дворяне... постепенно начинают от них удаляться под предлогом какого-то *неприличия*. Странно, что в то

время, когда по всей Европе готический предрассудок противу наук и словесности... почти совершенно исчез, у нас он только что начинает показываться. Уже один из самых плодовитых наших писателей провозгласил, что литературой заниматься он более не намерен, потому что она *дело не дворянское*. Жаль! Конечно, не слишком лестное товарищество некоторых новичков отчасти тому причиною, но разве бесчестное поведение двух или трех выслужившихся *проходимцев* может быть достаточным предлогом для всех офицеров оставить шпагу и отречься от честного звания воинов!»

Эта декларация Пушкина бросает новый свет на всю его позицию в полемике о так называемой «литературной аристократии». В то время как, например, Вяземский все больше обнаруживал реакционно-консервативную дворянскую основу своих позиций, непримиримую вражду к писателям-разночинцам, для Пушкина упомянутая полемика была своеобразной формой действительной защиты подлинного демократизма в литературе и борьбы с реакционной мещанской журналистикой, вождем которой был Фаддей Булгарин. Это основное направление полемических выступлений Пушкина 30-х годов вырисовывается со всей отчетливостью, несмотря на то, что грубые нападки Полевого и Булгарина на поэта порой отождествлялись им с демократией вообще (отсюда слова о «демократическом копыте» в «Родословной моего героя»). Трудно пока с достаточной степенью достоверности указать, кого именно имел в виду Пушкин, говоря о «плодовитом писателе», провозгласившем свой отказ от занятия литературой, ибо «оно дело не дворянское». В 30-х годах рассуждения на эту тему попадают часто и в стихах, и в статьях, и в переписке ряда современников. Так, например, в 1832 году Баратынский писал в одном из писем Киреевскому: «Будем мыслить в молчании и оставим писательское поприще Полевым и Булгариным». Мы полагаем, что Пушкин, говоря о «готическом предрассудке», подразумевал именно Вяземского, в позициях которого в 30-х годах вырисовывалась тенденция защиты антидемократического дворянского искусства (характерно «Послание графу Сологубу» Вяземского 1834 года, где выражено презрение к литераторам, идущим «тропой простонародной») ²⁴.

Принципиальное значение имело и признание Пушкиным прогрессивности развития промышленности. Это коренным образом отличало его от дворянской поэзии и критики, кричавшей о наступлении «железного века», разрушающего искусство»*.

Все это не значит, конечно, что Пушкин переходил в лагерь демократических писателей-разночинцев; такой вывод означал бы антиисторическую идеализацию его взглядов. Но все развитие мировоззрения Пушкина свидетельствует о явной *тенденции* к дальнейшему преодолению сословных предрассудков и о тяготении к новым общественным силам, которые заявили о себе выступлениями Белинского.

Тема «Пушкин и Белинский» в последние годы привлекла к себе пристальное внимание советских литературоведов. Автор диссертации на эту тему, И. В. Сергиевский, на основе рассмотрения всей суммы историко-литературных фактов, пришел к заключению, что положительное отношение Пушкина к Белинскому было фактом не случайным, а возникло в силу внутренних закономерностей идейной эволюции поэта²⁵.

В стремлении Пушкина к союзу с Белинским несомненно выражалось начало решительного расхождения с кругом так называемых «литературных аристократов» (хоть связь с ними и раньше скреплялась у Пушкина преимущественно интересами борьбы против болгаринской журналистики, а не тождеством идейной позиции).

Еще в 1827 году Пушкин писал Дельвигу по поводу «Московского вестника», журнала, в котором он временно участвовал и где сотрудничали писатели, впоследствии активно включившиеся в борьбу с демократической литературой: «Ты пеняешь мне за Московский Вестник — и за немецкую метафизику. Бог видит, как я ненавижу и презираю ее; да что делать? собрались ребята теплые, упрямые; поп свое, а черт свое. Я говорю: господа, охота вам из пустого в порожнее переливать — все это хорошо для немцев... — Московский Вестник сидит в яме и спрашивает: веревка вещь какая». В 30-е годы противоречия между Пушкиным и такого рода писателями

* Эта позиция реакционного дворянства была выражена в программной статье Шевырева «Словесность и торговля».

возросли. Стремление к союзу с Белинским характеризует принципиальность Пушкина, литературно-журнальная тактика которого в то время не была понята критиком (вскоре он, как известно, исправил свои ранние оценки). В пушкинской статье («Письмо к издателю»), напечатанной в третьем томе «Современника» за подписью «А. Б.», имеются сочувственные строки о Белинском: «Он отличает талант, подающий большую надежду. Если бы с независимостью мнений и с остроумием своим соединял он более учености, более начитанности, более уважения к преданию, более осмотрительности, — словом, более зрелости, то мы бы имели в нем критика весьма замечательного». В мае 1836 года Пушкин через своего приятеля Нащокина послал Белинскому том «Современника» «тихонько от наблюдателей» и просил передать Белинскому свое сожаление о том, что «не успел увидаться с ним в Москве».

Слова «тихонько от наблюдателей» весьма значительны. «Московский наблюдатель» — это журнал, сплотивший таких литераторов, как, например, Шевырев, Погодин, Мельгунов, Хомяков, — людей антидемократического направления, ранее в какой-то степени стремившихся сблизиться с Пушкиным, но в 30-е годы все более к нему охладевавших. Позиции этого журнала были так определены «Телескопом» (в котором сотрудничал Белинский): «По мнению «Наблюдателя» литература должна говорить языком высшего общества, держаться паркетного тона, быть эхом гостиных; и в этом отношении он простирает до фанатизма свою нетерпимость ко всему уличному, мещанскому, чисто народному». Пушкин, который буквально в таких же выражениях высмеивал в своих статьях «паркетный тон», вкусы «гостиных» и защищал народность в литературе, мог, конечно, только сочувствовать обличению позиций «Наблюдателя»²⁶.

После закрытия «Телескопа» Нащокин стал вести с Белинским переговоры о переезде в Петербург для работы в пушкинском «Современнике». «Теперь, коли хочешь, — писал Нащокин Пушкину в конце 1836 года, — он (Белинский. — Б. М.) к твоим услугам. Я его не видал, но его друзья, в том числе и Щепкин, говорят, что он будет очень счастлив, если придется ему на тебя работать». Это письмо было написано в конце 1836 года, незадолго до дуэли Пушкина.

Демократизация пушкинского творчества постепенно ослабляла внутренние связи между Пушкиным и некоторыми из тех людей, которые были его друзьями: под покровом дружбы (иногда долголетней) здесь таились резкие противоречия. Отрицательное отношение Жуковского к идейному направлению пушкинского творчества, которое определилось к первой половине 20-х годов, теперь только прогрессировало. Отчетливо стали проявляться в 30-е годы, как уже упоминалось выше, принципиальные различия в позициях Пушкина и Вяземского, уже освободившегося к тому времени от вольнолюбивых увлечений молодости. Свидетельством принципиальных разногласий в непосредственном пушкинском окружении является и попытка В. Ф. Одоевского (вместе с Краевским) реорганизовать «Современник», ограничив руководство Пушкина журналом. В случае отказа Одоевский и Краевский намеревались прекратить свое участие в журнале²⁷.

Характерны и отрицательные оценки творчества Пушкина рядом его бывших единомышленников и почитателей. Баратынский в 1832 году осуждает «Евгения Онегина» как ученическое произведение и даже о Татьяне пишет, что она «не имеет особенности» (письмо И. Киреевскому). Языков в письмах к родственникам порицает за реализм «Полтаву», «Евгения Онегина», порицает сказки («не в пример хуже всего, что написано в сем роде Жуковским»), с недоброжелательством отзываясь о занятиях поэта историей Пугачева. Все большее укрепление Пушкина на путях народности и реализма способствовало охлаждению его отношений и к кругу литераторов, с которыми он ранее объединился в «Московском вестнике». В дневнике и переписке Погодина все отчетливее становится нарастание идейной вражды к Пушкину. Еще в 1826 году Погодин записывает свое первое впечатление от встречи с ним в злобных словах: «Ничего не обещающий снаружи человек». В дальнейшем положительно отзываясь о «Борисе Годунове» и некоторых других произведениях Пушкина, Погодин вместе с тем солидаризируется со статьями Надеждина, называвшего Пушкина «литературным Робеспьером» и осыпавшего его ругательствами за «простонародность» и «ничтожество предметов». Отрицательно оценивал Погодин и «Онегина». Титов в письмах к Погодину солидаризовался со

своим корреспондентом, а Мельгунов в письмах к Шевыреву оценивал творчество Пушкина в 30-х годах как уход от служения Аполлону²⁸.

Резко расходятся с такой оценкой творчества Пушкина отзывы о нем Белинского 30-х годов. «Пушкин был выражением современного ему мира, представителем современного ему человечества; но мира русского, но человечества русского», — писал Белинский. Правда, и он в те годы, не зная ряд запрещенных цензурой пушкинских произведений, ошибочно пришел к выводу об упадке пушкинского творчества последнего периода. Однако он считал это явление временным. «Я верю, думаю, и мне отраднo верить и думать, что Пушкин подарит нас новыми созданиями, которые будут выше прежних», — говорил Белинский в «Литературных мечтаниях». В дальнейшем под влиянием более глубокого постижения пушкинского творчества, а также той демонстрации всенародного гнева в связи с убийством Пушкина, которая нашла свое отражение в стихотворении Лермонтова «На смерть поэта», Белинский пересматривает свое раннее, неоправданно резкое и несправедливое мнение о том, что творчество Пушкина 30-х годов не отвечало требованиям времени. Глубоко потрясенный вестью о гибели Пушкина, Белинский писал Краевскому:

«Бедный Пушкин! вот чем кончилось его поприще!.. Как не хотелось верить, что он ранен смертельно... Один истинный поэт был на Руси, и тот не совершил вполне своего призвания. *Худо понимали его при жизни, поймут ли теперь?*»²⁹

Озабоченность тем, «поймут ли Пушкина теперь», проходит и в других письмах Белинского. Он приступает к переоценке его творчества. Изучение высказываний Белинского о Пушкине показывает, что переломным моментом в его взглядах на историческое значение поэта явился 1837 год. В письме к М. А. Бакунину от 16 августа 1837 года Белинский писал: «Пушкин предстал мне в новом свете, как будто я его прочел в первый раз». В письме к нему же от 1 ноября 1837 года Белинский сообщает: «Скоро примусь за статью о Пушкине; это должно быть лучшею моею критическою статьею». Вскоре он приходит к мысли о громадном значении Пушкина для современности: «Пушкин... выразил и исчерпал собою всю глубину русской жизни...», «... в раны Пуш-

кина, — продолжает он, — мы можем влагать персты, чтобы чувствовать боль своих и врачевать ее (русскую жизнь. — Б. М.)». В статьях и заметках, печатавшихся в эти годы, Белинский встал на защиту Пушкина, опровергая клеветнические измышления Булгарина и Греча, выступая против тех, кто пытался «поколебать треножник, на котором горит пламя поэзии великого национального поэта»³⁰.

В знаменитых одиннадцати статьях Белинского 1843 — 1846 годов оценка великого поэта произведена с позиций поколения революционных демократов. Белинский установил бессмертное, непреходящее значение творчества Пушкина не только в его время, но и для грядущих поколений, предсказал наступление эпохи, когда «он будет поэтом *классическим*, по творениям которого будут образовывать и развивать не только эстетическое, но и нравственное чувство». Белинский говорил также о тех сторонах мировоззрения Пушкина, которые связывали его с прошлым; так, он подчеркнул генеалогические предрассудки Пушкина и утверждал, что он — поэт, «одною стороною принадлежащий настоящему и будущему... а другою своему настоящему... которое для нас уже прошедшее». Эта сложность мировоззрения и творчества Пушкина была обусловлена тем, что он оказался на рубеже двух эпох исторического развития России. Но он «принадлежал к числу тех великих исторических натур, которые, работая для настоящего, приготавливают будущее». Именно потому в 30-е годы мы видим, как в его взглядах и творчестве, несмотря на противоречия, возникают тенденции, ведущие вперед, к новому этапу передовой русской общественной мысли и русской литературы. Вот почему творчество Пушкина сыграло немалую роль в формировании взглядов молодого Белинского и молодого Герцена³¹.